

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС УЕЛГИ И НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА ПРЕДМЕТ УГОРСКОГО И МАДЬЯРСКОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

СЕРГЕЙ Г. БОТАЛОВ*

Absztrakt: A Középső- és Dél-Urál határai mentén a kora középkori régészeti adatok szerint két, aránylag önálló irányban fejlődő kultúra, anyagi műveltség kialakulása figyelhető meg: az ugoré és a magyaré. A korai ugor (protomansi) kulturális genezis a Középső-Urál északi, széles, erdős sztyeppi térségében ment végbe, és hűen tükrözi az Urálon túl népességének keveredését az Urál nyugati oldalán, a Káma vidékén egykor létezett lomovátovói és nyevolinói kulturális-történelmi areállal. Ez a folyamat, logikusan, a protomansi népesség nyugat-uráli elkülönülésével fejeződött be. A magyar kultúrgenezis a kusnarenkovói és karajakupovói kultúra emlékeivel van kapcsolatban, mely eredetileg az Urálon túl erdős sztyeppi térségében alakult ki, és a Tobol és Iszety folyók mentén létezett. Ezen kultúrák egy, a késő szargatszka kultúrát hordozó félnomád népesség kulturális átalakulásának eredményeképpen jöttek létre a délnyugat-szibériai tajgai eredetű migráns lakosság környezetében. E népesség egy része a bakalszkaja történelmi-kulturális térség felbomlásának következtében települt át (6. század) az Urál nyugati oldalára és déli irányba is, az urálon túli füves sztyeppre.

Kulcsszavak: Urál, magyar etnogenezis, kusnarenkovói kultúra, nyevolinói kultúra, lomovátovói kultúra, bakalszkaja kultúra, protomansi

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА

Могильник расположен в 2,5 км северо-северо-восточнее с. Канзафарова (Кунашакский район Челябинской области) и в 8 км северо-западнее от пос. Кунашака. Памятник занимает западный берег озера Уелги и включает группу останцов межозёрной террасы юго-восточного берега оз. Сайгерлы и западного берега оз. Уелги (рис. 1).

Территория могильника представляет собой обширное остепнённое пространство с локальными низменными заболоченными и обводнёнными, чередующиеся с холмами. Рельеф представляет собой почти плоскую слабо волнистую равнину, окружённую с севера, юга и востока лесными массивами.

С 2010 года могильник начал исследоваться с северо-западной части – останце, занимающим господствующую высоту (до 3–4 м от

уреза воды оз. Сайгерлы). Вероятнее всего, могильник начал формироваться именно отсюда. В 2012 году исследованию подвергся останец, расположенный в северо-восточной части могильника.

За период с 2010 по 2014 гг. исследованиям подверглись 14 курганов, из которых происходит до 60 достоверно определяемых погребений. В полевом сезоне 2010 года было исследовано 2 кургана, из которых происходило 10 погребений. В 2011 году раскопано 2 кургана (7 и 8), содержащие 9 погребений. Площадь составила 900 кв. м. В 2012 году исследовано 4 кургана (7 погребений). Исследованная площадь составила 835 кв. м. В 2013 и 2014 гг. исследовано 6 курганов (32 погребения). Таким образом, с 2010 по 2014 гг. было исследовано 4359 м² (рис. 2).

* Ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ. Россия, 454080 Челябинск, проспект Ленина, 76. grig@csc.ac.ru, botalovsg@susu.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Под насыпью могло находиться от двух до 6-ти погребений. Большинство погребений совершено по способу ингумации (18 случаев). Обряд трупосожжения зафиксирован в 4 случаях (курган 1, погребения 3, 5; курган 8, погребение 2; курган 31; *рис. 3*). Ориентировка погребенных достоверно устанавливается в 7-ми случаях – головой в западном направлении, с отклонениями к северу или к югу; в одном случае (курган 1, погребение 2) костяк был ориентирован головой на юго-запад (*рис. 4–5*). Ориентировка ям разрушенных погребений в основном ЮЗ–СВ, с отклонениями (*рис. 7–12*). В 5-ти случаях зафиксировано присутствие костей животных в могиле. Как правило, это скаковые конечности лошади, однако в одном случае (курган 7, погребение 5) в могиле лежал череп лошади (*рис. 5. 4–17*). Отметим также, что «тайники» (курган 29, 31) также со-

проводились костями лошади (*рис. 13*). Помимо этого, рядом с ямами могли находиться жертвенники из черепов лошади. Достоверно это зафиксировано в 5-ти случаях. В комплексе кургана 31 череп лошади мог выставляться на жердях. В редких случаях удалось проследить некоторые детали погребального обряда: предметы конской упряжи укладывались ниже таза, в ногах, клинковое оружие (2 случая) – рядом с погребенным, справа. В погребении 5 кургана 7 в ногах лежал уздечный набор из округлых бляшек (*рис. 5. 5–9*). Некоторые могилы имели деревянные конструкции (курган 3, погребения 1–2; курган 7, погребения 3, 5; курган 29, погребения 1–2; *рис. 5; рис. 6; рис. 8*), фиксируемые по древесным фрагментам по периметру камеры. Основные элементы погребального обряда представлены в таблице.

1. таблица. Основные элементы погребального обряда (страница 268–269)

1. táblázat. A temetkezési szokások alapvető elemei (268–269 oldal)

Объект <i>Sírszám</i>	Способ погребения <i>Rítus</i>	Ориентировка <i>Tájolás</i>	Кости коня в могиле <i>Lócsont a sírban</i>	Кости животных рядом <i>Állatcsont a sírban</i>
К 1, п. 2	Ингумация	ЮЗ (головой)	-	-
К 1, п. 3	Кремация (?)	З–В	+	-
К 1, п. 5	Кремация	ЮЗ–СВ	-	+
К 1, п. 6	Ингумация (?)	ЮЗ–СВ	?	+
К 1, п. 7	Ингумация	ЮЗ–СВ	?	?
К 1, п. 8	Ингумация	ССВ (?)	-	+
К 2, п. 1	Ингумация	З (головой)	-	-
К 3, п. 1	Ингумация	ЮЗ–СВ	-	-
К 3, п. 2	Ингумация	ЗЮЗ–ВССВ	-	-
К 7, п. 1	Ингумация	ЗЮЗ–ВССВ	-	-
К 7, п. 2	Ингумация	З–В	-	-
К 7, п. 3	Ингумация	ЗЮЗ–ВССВ	-	-
К 7, п. 5	Ингумация	З (головой)	+	-
К 8, п. 1	Ингумация (?)	?	?	-
К 8, п. 2	Кремация	СЮ	?	?
К 9, п. 1	Ингумация	З–В и С–Ю	?	-
К 9, п. 2	Ингумация	З (головой)	-	-
К 9, п. 5	Ингумация	З–В	+	+
К 9, п. 8	Ингумация	ЮЗ–СВ	-	-
К 9, п. 7	Ингумация	З (головой)	+	-
К 9, п. 9	Ингумация	ЮЗ–СВ	?	-
К 28, п. 3	Ингумация	ЗЮЗ (головой)	+	-
К 28, п. 4	Ингумация	З (головой)	-	-

К 28, п. 5	Ингумация	ЗЮЗ (головой)	+	-
К 28, п. 6	Ингумация	ЗСЗ (головой)	+	-
К 29, п. 1	Ингумация	З (?)	-	+
К 29, п. 2	Ингумация	З (?)	-	+
К 29, п. 7	Ингумация	ЮЗ (головой)	+	-
К 29, п. 8	Ингумация	З (головой)	+	-
К 31, п. 1	Кремация	-	-	+
К 32, п. 1	Ингумация	З (головой)	+	-
К 32, п. 2	Ингумация	С-Ю	-	-
К 32, п. 3	Ингумация (?)	ЗЮЗ-ВСВ	+	-
К 33, п. 1	Ингумация	ЗЮЗ-ВСВ	-	+
К 33, п. 3	Ингумация	В (головой)	-	-
К 33, п. 4	Ингумация	З-В	-	-
К 33, п. 5	Ингумация	З-В	-	-
К 33, п. 6	Ингумация	ЮЗ-СВ	-	+
К 33, п. 7	Ингумация	З (головой)	-	+
К 33, п. 8	Ингумация	ЗЮЗ (головой)	-	+
К 33, п. 9	Ингумация	З-В	+	-
К 33, п. 10	Ингумация	ЗЮЗ-ВСВ	-	+
К 34, п. 1	Ингумация	З (головой)	-	-
К 34, п. 2	Ингумация	ЗЮЗ-ВСВ	-	+
К 34, п. 3	Ингумация	З (головой)	-	+

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПРЕДМЕТОВ РЕМЕННОЙ ГАРНИТУРЫ

Металлические детали ременных гарнитур (поясных, уздечных, портупейных и т. д. ремней) составляют большую часть находок. Однако разрушенность абсолютного большинства объектов могильника предопределило условия их нахождения: в насыпях курганов, без привязки к конкретным погребениям. Нет возможности установить совстречаемость отдельных категорий накладок. В этой ситуации нам кажется вполне перспективным выделение стилистических групп: по общей форме изделий, наличию и характеру орнамента, декоративным элементам, а также географическим ареалам аналогичных изделий.

Предметы из стилистической группы 1 (рис. 14. 1–59) преимущественно не орнаментированные и не позолоченные. Общий контур прямой, волнистый. Отличительными декоративными особенностями являются оформление псевдопестельчатых, лепестковых, когтевидных выступов; проведение нервюры или валика по

центру. Отдельной категорией является бытование лунницевидных (билунницевидных) с парным выступами накладок.

Стилистическая группа 2 (рис. 14. 60–92) соотносится со стилистической группой 1. Этот тип гарнитуры сопутствует неорнаментированным накладкам, однако имеет более растительную орнаментацию и амальгирование.

По материалам памятников Южного Приуралья группы 1 и 2 могут быть датированы от IX до XI вв., преимущественно X–XI вв.¹ Варианты лунницевидных и бабочковидных накладок встречены далеко на западе – в памятниках субботцевского типа.²

Стилистическая группа 3 (рис. 14. 1–18). «Венгерская». Предметы имеют позолоту. В орнаментальных мотивах, помимо растительного (трилистник либо четырехлепестковый рисунок) присутствует зооморфный и антропоморфный. Бордюры декорировались чередующимися овалами и кружками. На сегодняшний

¹ ИВАНОВ 1993, 143–149, рис. 1–35, 36, 41; МАЖИТОВ 1993, 136, рис. 6–16, 17а, 21, 25, 30в.

² КОМАР 2011, 64–66, рис. 2, 6.

день мы можем очертить ареал этой группы: Южное Зауралье (Уелги, Синеглазово), Южное Приуралье (Каранаево),³ Прикамье (Больше-Тиганский, Танкеевский могильники),⁴ в Приднепровье (памятники типа Субботцев).⁵ Похожие накладки обнаружены в развешанном погребении близ Эмбы.⁶

Стилистическая группа 4 (рис. 16). Восточно-Казахстанская, Алтайская. Предметы имеют толстые стенки. Выражены бортики. Развит растительный орнамент с обилием завитков, а также распространенный мотив – изображение цветка в профиль на сердцевидных накладках. Округлые накладки с розеткой обнаружены в Гилево IV, кургане 1, Гилево V, кургане 6, Гилево VII, кургане 4 и др.,⁷ в кургане 1 Орловского могильника.⁸ Наконечники ремней с четырьмя распускающимися бутонами (рис. 16. 40) обнаружены в Гилево XII, кургане 4,⁹ Белый Камень;¹⁰ сердцевидные накладки, украшенные псевдозернью по бордюру – в Гилево XIII, кургане 5. В том же некрополе находились подобные уздечные распределители ремней с растительным орнаментом.¹¹ Следует также отметить некоторые аналоги с вещами из Тюхтятского клада, Копёнского Чаа-Таса (Минусинская котловина).¹² Видимо, группа 4 не выходит западнее Приуралья, где в Муракаевских, Лагеревских курганах обнаружены похожие вещи.¹³ Однако, несколько видоизмененные, они бытуют в памятниках огузо-печенежского круга.¹⁴ Можно предположить, что стилистика группы 2 (рис. 14. 60–92) наиболее близка огузо-печенежской.¹⁵ Предметы орнаментированы, большинство позолочены. Наиболее развита геометрическая орнаментация (линии, «сетка», их сочетание и др.), в компо-

зиционном исполнении присутствует симметрия, чередование. Растительный орнамент стилизован.

Стилистическая группа 5 (рис. 15. 19–24). Лесная уральская. Аналогии таким вещам встречены в памятниках неволинской культуры неволинской и сухоложской стадий, урынской стадии ломоватовской культуры.¹⁶ В 2013 году в детском погребении 7 кургана 9 найден комплекс украшений из пронизок, по стилистике близкий группе 5. В изобразительных сюжетах распространены антропоморфные в виде личин и человеческих фигур и зооморфные мотивы. Кресала с антропоморфно-зооморфными мотивами известны в марийских памятниках.

Подытоживая сказанное, можно предположить, что согласно типологическому ряду, который позволяет построить материалы из курганов 1, 2, 7–8 (рис. 17–18), широкие хронологические рамки памятника на сегодняшний день можно обозначить как самый конец IX – начало XI вв.

В настоящее время мы располагаем материалами более 20 фрагментов и археологически целых сосудов (рис. 19). Они представляют собой типологический комплекс позднекушнаренковско (рис. 19. 13, 20, 21), караякуповского (рис. 19. 1–3, 5–7, 10, 15, 18, 22–23) облика (тонкостенность, гребенчато-прочерченная зональная орнаментация). Отметим, что в полевом сезоне 2013 года в насыпи кургана 9 (в непосредственной близости от курганов 7, 8) обнаружены фрагменты сосуда кушнаренковского облика. Горшки со шнуровой орнаментацией, сосудов с ушками и с большой примесью талька в тесте указывает на сильное влияние

³ Мажитов 1993, 132, рис. 4–33, 34.

⁴ Халикова 1976, 170–171, рис. 11–12; Казаков 1972, 162, рис. 1.

⁵ Комар 2011, 65, рис. 3, рис. 6. 10–13, рис. 8. 5–8.

⁶ Бисембаев 2003, 62–64.

⁷ Могильников 2002, 144, рис. 18, 153, рис. 25, 176–177, рис. 47–48.

⁸ Арсланова 1969, 44–45, рис. 1.

⁹ Могильников 2002, 221, рис. 1–2.

¹⁰ Горбунова 2010, 59, рис. 27. 24.

¹¹ Горбунова 2010, 262, рис. 131.

¹² Евтюхова 1948б, 33–36, 70–72, рис. 34, рис. 39, рис. 50, рис. 51, рис. 125, рис. 127, рис. 130.

¹³ Мажитов 1993, 136, рис. 6. 35–37.

¹⁴ Попов 2011, 117–118, табл. III, табл. IV.

¹⁵ Гарустович-Иванов 2001, 154–156, рис. 25–27.

¹⁶ Голдина-Водолаго 1990, 165, табл. LXVIII. 42–43; Голдина 1985, 230, табл. XXII. 31–35, рис. 16.

со стороны лесного, вероятно петрогромского культурного ареала (рис. 19. 4, 6, 8, 11–12, 14, 17, 19). Следует заметить, что подобные культурные взаимовлияния кочевого и лесного-таёжного населения – носителей шнуровой керамики наблюдаются и в комплексах некоторых могильников Башкортостана.¹⁷ Удивительным образом среди посуды в целом караякуповского облика обнаруживаются некие позднебакальские мотивы (косая решетка, елочка) (рис. 19. 5, 23).

Спектр аналогий изделий из цветного металла указывает на следующую хронологическую позицию могильника. Наиболее ранними являются неорнаментированные накладки из группы 1, встреченные в слоях Пенджикента от первой до третьей четверти VIII в.¹⁸ В IX–X вв. подобные вещи распространяются на Южном Урале – I и II Бекешевские, Ямаши-Тауские, Хусаиновские курганы, могильник Граултры.¹⁹ Н. А. Мажитов объединил их в группу В.²⁰ Основная же масса предметов ременной гарнитуры относится к группам Д, Е²¹ и датируется X–XI вв. Уральская лесная группа 5 указывает на близость материалам неволинских и ломоватовских памятников конца VIII – первой половины IX вв.²² Восточно-Казахстанские, алтайские памятники, где обнаружены орнаментированные накладки (Гилево, Корболиха, Быково, Щепчиха, Белый Камень) датируются в основном, второй половиной IX – началом XI вв.²³ Ремешковые украшения Семиречья, имеющие аналогии с росткиным, А. И. Торговым объединяет в свою хронологическую группу 5 и датирует серединой IX–X вв.²⁴ Он отмечает, что «орнаментация небольшой группы изделий близка (но не идентична) орнаментации поясов тюхтятской культуры».²⁵

Первые коррелированные радиоуглеродные даты из двух объектов: погребение 5, курган 7 (2 пробы; рис. 20. 1) и погребение 1, курган 3 (3 пробы; рис. 20. 2). Комбинирование результатов (рис. 20. 3–4) показало, что общий интервал совершения погребения 1, кургана 3 от 890 до 1020 гг. н. э. а погребения 5 кургана 7 – от 890 до 1040 гг. н. э. Отметим, что в данных объектах обнаружены вещи алтайского и восточно-казахстанского облика (стилистическая группа 4).

Открытие могильника Уелги совпало с новым этапом активизации исследований мадьярской проблемы. Основной исследовательский вектор перемещен на восток и охватил весь регион Южного Урала,²⁶ хотя параллельно этому активно разрабатывается тема истории предуральских угров и Приуральской Правенгрии. Данные темы продолжают оставаться особенно актуальными, с одной стороны, в связке с упоминаемыми письменными источниками (Аноним, Юлиан), с другой, с пристальным вниманием к собранию исследователей к этому предмету,²⁷ с другой, связи со значительным расширением материалов сравнительной базы из приуральских памятников, относящихся к ломоватовской, неволинской, кушнаренковской и караякуповской культурам, артефактами из зауральских средневековых памятников (батырского, юдинского, макушинского, чиаликского и других типов), а также рядом ярких маркирующих артефактов угорской принадлежности.²⁸

В двухтысячных годах в пределах лесостепного Тоболо-Исетского региона начали активно раскапываться поселенческие и погребальные раннесредневековые комплексы так называемого бакальского историко-культурного горизонта, включающие протокушнаренковские

¹⁷ Мажитов 1977, табл. XIX–XX.

¹⁸ Распопова 1980, 87–90.

¹⁹ Боталов 2000, 325–326; Мажитов 1981, 37–38, 45, 54–57, 59–60, 64.

²⁰ Мажитов 1977, 194.

²¹ Мажитов 1977, 197, 198, табл. I.

²² Голдина–Водолаго 1990, 165; Голдина 1985, 230.

²³ Могильников 2002, 124, табл. 8; Горбунова 2010, 54–63, рис. 24, 27, 28.

²⁴ Торгоев 2011, 13.

²⁵ Торгоев 2011, 14.

²⁶ Иванов 2002.

²⁷ Фодор 2007, 154; Иванов 1999; Иванов 2002; Иванов 2002а; Казаков 2001; Овчинникова–Дзени 2008.

²⁸ Белавин–Иванов–Крыласова 2009, 123–261.

материалы (Коловское, Рафайловское, Больше Бакальское, Усть-Утяк – городища; Козловский, Устюг-1 – могильники)²⁹ (рис. 21–22). Стало очевидным, что кушнаренковско-караякуповский культурный компонент появляется в составе синкретического бакальского историко-культурного горизонта IV–VI вв. Таким образом, открылись новые возможности в исследовании исходных позиций формирования протомадьярской культуры и культуры средневековых угров Урала.

Оговоримся, что мы склонны видеть весьма существенные различия между этими определениями культурного периода («протомадьярские» и «раннеугорские»). Не вдаваясь в вопросы этнокультурных идентификаций этих явлений, которые, в конечном счете, связаны с проблемами лингвистического или языкового свойства, и принимая в целом точку зрения В. В. Напольского, высказанную в одной из последних его программных статей,³⁰ мы, вслед за нашими коллегами В. Ф. Генингом, Е. П. Казаковым, А. М. Белавиным, В. А. Ивановым и Н. Б. Крыласовой, в раннеугорском (протомансийском) компоненте склонны видеть лесное население Среднего Зауралья и Западной Сибири – носителей керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией (раннепетрогромского, батырского, макушинского, юдинского и других типов).³¹ На это указывают яркие параллели общекультурного порядка, которые отразились в керамическом комплексе раннеломоватовского (харинского) и ранневолинского времени IV–VI вв. в памятниках Среднего Прикамья.³² Данная транскультурная коммуникация продолжает свое саморазвитие вплоть до постпетрогромского (чиямского) периода (XIII–XIV вв.), который отчасти принимается В. В. Напольским как период распространения собственно угорского или мансийского населения Предуралья.³³

В этой связи в данном контексте нет смысла подробным образом говорить о составляющих волинского и ломоватовского культурогенезов, которые формировались в пределах

среднего Зауралья и затем активно взаимодействовали с приуральским населением среднего Прикамья. Этим вопросам было уделено пристальное внимание наших коллег в одной из последних монографий, и мы всецело разделяем их точку зрения на предмет культурогенеза в этом районе.

Что же касается протомадьярской линии развития, то она, по всей видимости, имеет значительные различия с истоками и динамикой культурогенеза раннеугорских (протомансийских) культур северной лесостепи и леса Западной Сибири, Среднего Зауралья и Предуралья. В этой связи мы не разделяем точку зрения некоторых исследователей, которые используют двойную аббревиатуру типа «угры-мадьяры», так как она вольно или невольно подразумевает некоторое тождество между этими этнокультурными терминами. Хотя, справедливости ради, следует указать: в некоторых предшествующих работах автор также употреблял это определение в данном контексте. Сообразно ранее приведенным наблюдениям, картина протомадьярских и раннебашкирских культурных трансформаций сегодня нам представляется следующим образом. Прежде всего, в культурном отношении, вслед за мнением многих исследователей, которое сегодня считается вполне устоявшимся, мы связываем памятники кушнаренковского и караякуповского типов. В этом случае мы считаем, что двойная аббревиатура «кушнаренковско-караякуповские» памятники вполне уместна и с историко-культурной точки зрения является очевидной. Эти типы керамики складываются в Зауралье в IV–VI вв., появляются в пределах Южного Приуралья в IV веке, в единых районах и подчас на одних и тех же памятниках (городища: Уфа II, Старо-Калмашевское, Караякуповское, Кушнаренковское селище, Бирский могильник; рис. 23–27). Различия относятся к разряду долевого соотношения этих типов в общем объеме материала и терминологических предпочтений исследователей, что собственно и подтверждается

²⁹ Матвеева 2007, 63–75; Матвеева 2012, 138–176; Матвеева 2012а; Боталов et al. 2008.

³⁰ Напольских 2008.

³¹ Генинг 1959; Казаков 1992, 114; Белавин–Иванов–Крыласова 2009, 123–126.

³² Белавин–Иванов–Крыласова 2009, 159–162, рис. 29–38.

³³ Напольских 2008, 23–24.

некоторыми авторами подтверждается некоторыми авторами.³⁴

Впоследствии в пределах Зауралья они существуют вплоть до конца IX в., где в таком же порядке это хорошо видно на керамическом комплексе могильника Граултры конца VIII–IX вв. (рис. 28).

Их прототипы складываются на основе прыговского и бакальского горизонтов в лесостепном Зауралье в одних и тех же памятниках (Больше Бакальское, Усть-Утяк, Коловское и др. городища, Козловский, Перейминский, Устюг 1 – могильники), где уже в IV веке выделяется особая группа тонкостенной изыщной керамики, несущая на себе черты и первого (протокушнаренковского) и второго (протокараякуповского) типов.³⁵ Данная нерасчлененность во встречаемости этих прототипов керамики и позволила автору прибегнуть к двойному определению «керамика кушнаренковско-караякуповского круга».³⁶ Эти типы керамики сложились в результате сложных трансформаций, происходивших в Тоболо-Исетском регионе на заключительном этапе позднесаргатского (прыговского) ИКГ (рис. 29. III). В них участвовали, по меньшей мере, три культурных компонента лесостепной – позднесаргатской, степной – гунно-сарматский (рис. 29. II), южно-таежный – карымский и кочевнический (степановский), что показано в таблице (рис. 30. 11–13, 22–24, 34–36).

В рамках бакальского историко-культурного горизонта складываются помимо собственно бакальской и прототипы кушнаренковского и караякуповского облика в своем синкретическом единстве (рис. 30. IV–V).

Особенно ярко данные процессы получили свое отражение в материалах могильников Козловский и Устюг 1, где подчас в одних и тех же погребениях встречены сосуды, с одной стороны, позднесаргатского (круглодонные, шаровидной формы с заштрихованными

треугольными фистонами, опущенными вершинами вниз), прыговского (с многорядным гребенчатым зигзагом по шейке и плечу), характерные для степных гунно-сарматских форм (плоскодонные кувшины с ручкой и кувшинообразные горшки), с другой – небольшие круглодонные горшки, банки с гребенчатонаколычатой и резной орнаментацией или без таковой, которые вполне соотносимы с караякуповскими прототипами, а также кувшинообразные круглодонные сосуды с зональной и многорядной резной и гребенчатой, которые соотносятся с протокушнаренковскими формами³⁷ (рис. 29. 8, 18, 43, 57, 75, 83, 90, 103, 114–115; рис. 30. 9, 19, 44, 58).

К сказанному можно добавить северную ориентировку умерших, наличие черепной деформации, что особым образом характеризует южный – степной, компонент и керамику с фигурно-штамповой орнаментацией (карымского, зеленогорского, сперановского типа), а также горшков бакальского типа с резной и гребенчатой орнаментацией в виде косой решетки, насечек и наколов,³⁸ маркирующей присутствие южно-таежного западно-сибирского населения в этом сложившемся постсаргатском и раннебакальском сообществе.

Впоследствии, обособившись из этой синкретической среды Бакальского ИКГ как две вероятно родственных (фратриальных) группы – носителей керамики кушнаренковских и караякуповских типов памятников вместе с бакальским зауральским населением начинают свое движение в двух основных направлениях – западном и южном (рис. 31).

ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

На запад, вдоль бассейнов рек Верхняя Уфа, Ай и Сим, после чего на поселенческих и в погребальных комплексах во второй полови-

³⁴ МАТВЕЕВА 2007.

³⁵ МАТВЕЕВА 2007, рис. 3–4, рис. 6–8.

³⁶ БОТАЛОВ ET AL. 2008, 22–27, 38–40.

³⁷ МАТВЕЕВА 2012, рис. 4. 4, 9, рис. 6. 5–6, рис. 12. 26, рис. 16. 15–18, рис. 18. 3, 5, рис. 3. 1, 3, рис. 5. 1, 8, рис. 6. 1–2, 4, 6–7, рис. 7. 1, 12, рис. 8. 1–2, 8, 9, рис. 9. 2–6, 9, рис. 14. 8, рис. 16. 2, рис. 18. 2, 5, рис. 20. 1; рис. 21. 1–5, рис. 22. 2–3, рис. 23. 6, рис. 26. 6, рис. 28. 3, рис. 29. 2, рис. 37. 2, рис. 39. 3, рис. 40. 3.

³⁸ МАТВЕЕВА 2012а, рис. 2. 3, рис. 3. 1, рис. 4. 3, рис. 6. 1, рис. 7. 11–12, рис. 9. 5, рис. 13. 6, рис. 15. 2, рис. 16. 4, рис. 17. 1, рис. 18. 3, рис. 19. 1–2, рис. 20. 2, рис. 22. 2, рис. 23. 1, рис. 24, рис. 25. 3, рис. 27. 2, рис. 28. 2, рис. 29. 3.

не VI века появляются материалы этого облика. Судя по незначительной мощности поселенческих слоев (отсутствие архитектурных данных) и сравнительно небольшой представительности посуды кушнаренково-караякуповского облика, в поселенческих и погребальных комплексах Южного Приуралья можно предположить, что они представляли собой полуоседлые группы скотоводов, инкорпорирующихся в период с VI по VIII века в местную среду турбаслинского и бахмутинского населения (*рис. 23; рис. 24; рис. 27; рис. 32–33; рис. 34*).

Вероятнее всего, район Камско-Бельского бассейна оказался особой зоной локализации развития культуры этих групп протомадьярского населения, что отразилось в трансформации самого керамического комплекса. В кушнаренковских формах на смену круглодонным и остродонным горшкам шаровидной и реповидной формы с преобладанием фигурно-штамповой орнаментации приходят плоскодонные кувшинообразные и крынкообразные крупные сосуды с прочерченной и гребенчатой орнаментацией, технологически и функционально повторяющие турбаслинские традиции. Данная особенность просматривается на материалах могильников. Наиболее ранние погребения с кушнаренковской керамикой исследованы в Бирском могильнике, где данный тип составляет достаточно цельный комплекс. Судя по материалу (пряжки с подвижным щитком и щитком овальной или В-образной рамкой – предгеральдического и геральдического стиля, медведевидные подвески, скульгамы,³⁹ эти погребения можно отнести к VI–VII векам. Все кушнаренковские горшки из этого могильника круглодонные или яйцевидные имеют шаровидное, реповидное тулово, преобладает фигурно-штамповая орнаментация. Весь оставшийся кушнаренковский комплекс с крынковидными и крупными кувшинообразными формами резной, прочерченной и гребенчатой орнаментацией происходит из погребений Маняжского, Ново-Турбаслинского и Бахмутинского могильников; Ново-Бикинского и Булгарского курганов, датированных, скорее всего, поздним временем

(VII–VIII вв.). В массе многочисленных типологических вариаций бахмутинской посуды растворяются протокараякуповские образцы, сохраняясь в представлениях специалистов лишь как некие зауральские формы, способы и сюжеты орнаментации в общей массе бахмутинской посуды (*рис. 23; рис. 24; рис. 27; рис. 32–34*).

По всей видимости, эта линия развития затухает к VIII веку. К этому времени приуральские группы раннекушнаренковского и раннекараякуповского облика, были окончательно ассимилированы местным оседлым населением лесостепного Приуралья. Наиболее поздние формы этого раннего «приуральского кушнаренково» демонстрирует отдельные погребения Бирского и Маняжского могильников и одиночные Ново-Бикинский и Булгарский курганы конца VIII века, расположенные в лесостепной части Башкирии.

Далее эта линия развития в пределах лесостепного Приуралья прерывается по меньшей мере на один век. Об этом уже указывалось выше при анализе кушнаренковско-караякуповских керамических комплексов. Наиболее поздний этап развития этого типологического комплекса падает на самый конец IX века. Позднекушнаренковская и позднекараякуповская посуда встречается в погребальных комплексах Месягутовского Предуралья (долина реки Ай), Лагереvские, Старохаалиловские и Каранаевские курганы, а также Ишимбаевском и Стерлитамакском могильниках на юге в пределах степного Предуралья. Некоторым образом автономно стоят нижнекамские памятники с поздними образцами кушнаренковско-караякуповской керамики (Танкееvский, Больше Тиганский могильники) (*рис. 36. III*).

Забегая вперед, заметим, что появление новых кушнаренковско-караякуповских форм на позднем этапе развития протомадьярского комплекса связано с новым особым импульсом притока кочевого населения из пределов Южного степного Приуралья и Зауралья и, вероятнее всего, Казахстана. В этой связи линию кушнаренковско-караякуповского развития мы условно называем «степной» (*рис. 37. 1; рис. 37. 2: 3*).

³⁹ МАЖИТОВ 1968, табл. 5. 24, 25, 30, 34, табл. 7. 7, 21.

По нашему убеждению, памятники Айской долины маркируют новый миграционный импульс из пределов Зауралья, основная мощность которого падает на конец IX–X в. Он связан с перемещением кочевого населения раннетюркского (мадыарское, кыпчакское, кыргызское) из урало-казахстанских и алтайских степей. Данное движение начинается уже в конце VIII века сразу же после падения Западно-Тюркского каганата (*рис. 37. 1; рис. 37. 2:2, 2:5*).

Появление степных приуральских комплексов в равной степени маркируют все вышеназванные процессы, которые наиболее значительно опредметились в степном Зауралье и появлением здесь в степной предгорной зоне многочисленных кочевнических позднекушнаренковских и позднекараякуповских комплексов (Бекешевские I, II, Хусаиновские, Муракаевские, Наровчатские курганы). Появление нижнекамского очага с нашей точки зрения, равно как и в Башкирском Предуралье, не явилось фактом поступательного саморазвития раннекушнаренковского населения, оставившего памятники VII–VIII веков (Такталачукский, Игимский и др. могильники). Вероятнее всего, речь идет о единоразовом импульсе кочевого протомадыарского протобашкирского населения из Южного Приуралья и Западного Казахстана, в родственную среду раннеболгарского населения Волго-Камья (*рис. 37. 1; рис. 37. 2:2, 2:3*). Этот процесс достаточно ярко отразился на оригинальных формах позднекушнаренковской керамики из этого региона (*рис. 35. 97, 99, 125*).

Все вышесказанное достаточно аргументировано объясняется процессом кушнаренковского и караякуповского культурогенеза, происходившего в пределах Южного Зауралья.

ЮЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В конце 80-х годов прошлого века на самом юго-восточном пограничье Челябинской области были исследованы комплексы селенташского типа (могильники Селенташ, курганы 4, 5 и

Кайнсай, курган 14, Туркменево II), в которых обнаружены фрагменты и развал кушнаренковской керамики.⁴⁰ Отсутствие какого-либо историко-культурного контекста в этих находках не позволили автору должным образом оценить значение этих артефактов. Несколько позже, с нахождением кушнаренковских образцов керамики в Берсуатском поселении, расположенном на границе с Казахстаном. И, наконец, обнаружение ярких фрагментов и сосудов с орнаментальными элементами раннекушнаренковского, караякуповского и карымского типа в Казахском Притоболье (стоянки Карасор, Артасор, Целинный; *рис. 38*). Стало очевидным, что появление раннекушнаренковского и караякуповского населения в южных районах урало-казахстанских степей – факт не случайный. Радиоуглеродный анализ выборочных памятников селенташского типа позволил поместить их в целом в диапазон конец V–VIII века (*рис. 39*).⁴¹

В приуральской степной зоне также обнаруживаются погребальные (Береговский, Красногорский и Имангуловский одиночные курганы и кушнаренковско-караякуповские материалы в верхних слоях Тургалинской стоянки), расположенные в левобережном бассейне реки Урал. Судя по погребальному обряду, инвентарю и керамике, они относятся к наиболее позднему этапу VII–VIII вв. раннекушнаренковского периода. На основании этого можно сделать вывод, что носители этой керамики появляются в южноуральской степи в пределах раннекушнаренковского периода.

Все выше перечисленные процессы достаточно четко иллюстрируются керамическим комплексом кушнаренковско-караякуповского облика. В представленной таблице (*рис. 35–36*) сосуды этих типов размещены по территориально-хронологическим группам. За основу принят географический принцип распределения, где в левой половине помещены горшки из Приуралья, а в правой – сосуды из зауральских и примыкающих к ним горно-лесных комплексов уральского края (*рис. 36. I–II*).

Безусловно, представительность выборки в разных группах далеко не одинакова, что

⁴⁰ Боталов 1996.

⁴¹ Боталов 2012.

обусловлено степенью исследованности памятников различных регионов и этапов кушнареновско-караякуповского культурогенеза. Однако в целом данная таблица достаточно четко маркирует основные региональные отличия этого процесса для районов Пред- и Приуралья, с одной стороны, и Зауралья, с другой.

Сегодня можно лишь предполагать о характере этого переселения или перемещений из Тоболо-Исетской лесостепи. Были ли это сезонные миграции зауральских полукочевых скотоводов или полномасштабный переход протомадьярского населения к кочевому скотоводству, что привело в целом к смещению этого населения на юг, где оно вступает в непосредственный контакт с раннетюрскими племенами, оставившими памятники селенташского типа (курганы с «усами»). Второе нам кажется более предпочтительным, по крайней зауральского региона.

Обнаружение керамических материалов, которые можно определить как карымские, протокушнареновские и караякуповские в казахстанских стоянках, расположенных в стоянках Артасор и Карасор в Кустанайской степи позволяет говорить, что движение этого протомадьярского импульса происходило вдоль долины Верхнего Тобола и его степных притоков (рис. 38. 2).

Несмотря на свою относительную многочисленность в степном Приуралье материалы раннекушнареновско-караякуповского круга встречаются крайне редко. Они представляют собой разрозненные погребения, обнаруженные в верховьях реки Белой и бассейна среднего Урала (Береговский, Красногорский, Имангуловский) и отдельные находки кушнареновской и караякуповской керамики на Тургалинской стоянке, которые относятся к более позднему этапу VII–VIII вв. По нее видимости, эти комплексы синхронны с курганами, имеющими яркий кочевнический облик, расположенными в пределах Бельско-Демского степного языка (Булгарский, Ново Бикинский) (рис. 31. 1:35, 36, 90, 97; рис. 37. 2:2).

Появление кушнареновских материалов в степной зоне Южного Урала в целом ука-

зывает на процесс культурно-хозяйственной адаптации этого населения к новым аридным условиям и как на неизбежный процесс инкорпорации его в среду кочевников урало-казахстанской степи, но и на особую линию культурогенеза протомадьярского населения лесостепного Зауралья, о чем уже говорилось выше. Материалы, которые можно связать с ранним этапом зауральского кушнареновско-караякуповского культурогенеза, указывают на то, что сложившиеся в рамках региона изначально кушнареновско-караякуповские керамические традиции – круглодонные горшки с высокой прямой отогнутой шейкой, прочерченной поясной орнаментацией с промежуточным заполнением в виде косой гребенки или косой решетки для кушнареновского комплекса, и приземистыми круглодонными горшками, открытыми банками, с резной (ёлочка) гребенчатой, накольчатой на раннем этапе орнаментацией и жемчужинами позже, а также неорнаментированными горшками для караякуповской посуды остается неизменным на протяжении всех последующих этапов: первый этап VI–VIII вв.; второй – IX в.; третий – конец IX–X в. (рис. 36. I–III). Он характеризует собой, условно названную нами как «степная», линию развития кушнареновско-караякуповского керамического комплекса.

Причиной возникновения ее является цепь сложнейших этнокультурных трансформаций, происходивших в период существования и распада Западно-Тюркского каганата в пределах гигантского ареала урало-казахстанских степей. Данному вопросу мы уже посвятили отдельный раздел своего исследования.⁴² В этой связи лишь кратко повторим отдельные тезисы наших наблюдений по данному предмету.

Движение кушнареновско-караякуповского протомадьярского населения из пределов лесостепного Зауралья на юг начинается, вероятнее всего, в начале VI века н.э. (возможно, в конце V века). Оно было связано с завершением крайне неблагоприятной фазы похолодания и падения уровня годовых осадков в пределах северо- и центрально-казахстанских степей, пик которых приходился на III век н.э.,⁴³ с дру-

⁴² Боталов 2009.

⁴³ Таиров 2003, 2–44, рис. 20; Таиров 2007, 97, рис. 20.

гой – со значительным опустением урало-казахстанских степей на позднегуннском этапе.⁴⁴

Попадание кушнаренковской посуды в селенташские комплексы, вероятнее всего, отражает процесс этнокультурной диффузии протомадьярского и раннетюркского населения, который, вероятнее всего, носил характер брачных контактов в пределах южного Зауралья. Немногочисленность материалов не позволяет проследить характер этого межкультурного микширования, однако, по всей видимости, этот процесс не был прямолинейным односторонним и равномерно-поступательным.

Вероятнее, в период конца VI–VII вв. в пределы При- и Зауральской лесостепи наблюдается встречное проникновение степного протоболгарского (оногуры) населения-носителей традиций курганов с «усами», поясов геральдического типа и сетчатой керамики. На этот факт указывают довольно частные находки сетчатой керамики в горизонте VI–VII вв. городища Уфа-2 (*рис. 40. 25–26*), а также материалы из недавно обнаруженного могильника Ингала (бассейн Исети [*рис. 40. 1–24*]). В данном памятнике обнаружены яркие кочевнические материалы, хронологически соотносящиеся с периодом существования курганов с «усами» (памятниками селенташского типа). Их культурная идентичность отчасти подтверждается тем, что наряду с бакальской и неволинской керамикой в могильнике обнаружены сосуды селенташского типа (*рис. 41. 31*).

Так процесс завершения мадьярского этногенеза в среде раннетюркских кочевников (вызревание титульного родоплеменного ядра) был закономерно замедлен другими историческими обстоятельствами, которые напрямую повлияли на формирование протомадьярского горизонта в степях и лесостепях Средней Евразии в конце VII – первой половине IX века.

Деструктивные процессы в казахстанской степи, связанные с распадом Западного и Восточного Тюркских каганатов, огузская экспансия в Центральный Казахстан и на Сырдарью, карлукское и кимако-кыпчакское переселение на Иртыш, в Сары-Арку и на Урал в VIII – на-

чале IX века – все эти явления, с одной стороны, препятствовали консолидации части тюрко-мадьярского населения севера казахстанских степей и юга лесостепной полосы от Южного Зауралья до Волго-Донья, а с другой – безысходность создавшихся обстоятельств, в которых оказалась с притоком новых восточнотюркских переселенцев из Азии эта часть большого нуклеарного протомадьярского этноса, вероятнее всего, явилась решающей в конечной фазе этногенеза (*рис. 37. 2:5–6*). Драматизм событий состоял в том, что вновь пришедшие племена существенным образом отличались от насельников Западно-Тюркского каганата раннетюркской эпохи. Они не только являлись осколками или составными частями восточно-тюркского этнокультурного ареала (карлуки, уйгуры, огузы, кыпчаки и др., территория зарождения которых оставалась далеко на востоке, но и говорили на абсолютно других, хотя и тюркских наречиях (восточнотюркская группа). Вытолкнутые к концу VIII века из большей части степного ареала своего обитания (поишимские, тургайские, мугоджарские и урало-аральские степи), являющихся, вероятнее всего, районами зимовий племен протомадьярского горизонта, они откочевывают в лесостепную полосу. Именно в этот период (с конца VIII века) в лесостепной и горно-лесной зонах появляются кочевнические памятники, предшествующие основному этапу существования (вторая хронологическая группа) степного кушнаренково и караякупово (Лагереvские курганы 8, 9, 10, 14, 29, 43, 46, 54–57; Граултры, курган 11; Байрамгулово, курган 1; *рис. 37. 1*; *рис. 37. 2:2*). Ко второй половине IX века процесс локализации кочевого позднекушнаренковского и караякуповского населения в пределах предгорных, лесостепных, горнолесных районов (Лагереvо, Старохалилово, Граултры, Синеглазvский курган), а также вблизи степных предгорий Зауралья и Предуралья (Бекешевские I, II, Хусаиновские, Наровчатские, Стерлитамакский, Ишимбаевский) становится необратимым. Последний мощный выплеск кочевников этого культурного ареала приходится на конец IX – начало X века. Вероятнее всего, это связа-

⁴⁴ Боталов 2012, 7.

но с победой огузской коалиции (гузы, кыпчаки и карлуки) над объединением печенегов, башкир, бурджан и «нукерде», которая по сведениям Масуди произошла в самом начале X века.⁴⁵ Эти деструктивные процессы привели к окончательному распаду ранее существовавшего нуклеарного кочевого сообщества урало-казахстанских степей и оттока составляющих его племен и кланов в различных направлениях – на запад в Поволжье (Ромашинское, Немчанка, 116 км и Луговское), Поднепровье (памятники Суботцевского типа) и далее в Карпатскую котловину⁴⁶ и на северо-запад в Низовья Камы (Больше Тиганский, Танкеевский) (рис. 37. 2:3–4).

Вероятнее всего, эти перемещения сыграли решающую роль не только в мадьярском этногенезе, но и в возникновении печенегов, башкир и волжских болгар. Веком позже эта северная волна докатывается до широт Сургутского Приобья, в погребальных и культовых комплексах которого (Сайгатино, Барсова Гора) появляется вещевой кочевнический комплекс.

Продвижение кимако-кыпчакского стросткинского населения из районов Прииртышья (рис. 37. 2:5) окончательно нивелируют протомадьярскую составляющую в культуре южноуральского населения. По своему этнокультурному облику это были племена, относящиеся к кругу тюркизированного угорского населения юго-западной Сибири.⁴⁷

Образно говоря, продвинувшееся с востока из Приобья и Барабы население является конечным результатом культурных трансформаций угорского населения этих районов, длительное время находившегося в непосредственном взаимодействии с тюрками Алтая и Саян (юрт-акбалыкский этап верхнеобской культуры). При этом в пределах лесостепных районов Южного Урала в этот период наблюдается активное воздействие со стороны

лесного угорского (протомансийского) населения – носителей юдинско-чияликских традиций (рис. 37. 2:1).

Данные перемещения в конечном результате приводят к смещению всего правенгерского горизонта как в степи, так и в лесостепи, а на Южном Урале складывается раннебашкирское и раннекыпчакское население, оставившее памятники синеглазовского типа (могильники Синеглазовский, поздние курганы Каранаевского, Лагереvский, Муракаевский, Уелги)⁴⁸ (рис. 37. 2:2), характеризующиеся комплексами, в которых исчезает традиция установки в могилу керамической посуды и появляются характерные предметы «сросткинского облика» (удила с перекрученными восьмерковидными окончаниями, с костяными псалиями в виде «сапожка» или «ласточкиного хвоста», трехлопастные бронебойные наконечники стрел и др.).⁴⁹ В одной из последних работ, посвященной мадьярской проблеме, А. В. Комар приходит к очень важному выводу о том, что памятники, оставленные мадьярами во время движения их на запад, составляющие так называемый «суботцкий горизонт», появляются на Нижнем Днепре (Этелькёзе) синхронно с нижнекамскими комплексами типа Больше Тиган в конце IX века.⁵⁰ Интересен тот факт, что в пределах лесостепной зоны Южного Урала в это же время (в самом конце IX века) появляются погребальные комплексы, которые ярко выделяются среди сравнительно однородной массы курганов и погребений. Погребальный инвентарь представлен богато украшенной ременной гарнитурой, предметами вооружения с серебряными деталями и золотым амальгированием, наличием серебряной посуды, дорогих тканей и лицевых масок (Каранаево⁵¹, Синеглазово, Уелги – ременные наборы второй стилистической группы),⁵² Старохалилово, Стерлитамакский, Каскаскинский рудник), наиболее ярко прослеживает парал-

⁴⁵ Кузеев 1971, 21.

⁴⁶ Иванов 1999, 93–96; Комар 2011, 56–69.

⁴⁷ Савинов 1979; Савинов 1984; Неверов 1988; Молодин et al. 1988, 164–167.

⁴⁸ Боталов 1987; Боталов 1988; Мажитов 1981.

⁴⁹ Боталов 2009, 506, 507, 565.

⁵⁰ Комар 2011, 68–69.

⁵¹ Учитывается информация, полученная Ф. А. Сунгатовым о находках серебряной посуды на этом памятнике «черными поисковиками».

⁵² Боталов 2012, 129, рис. 8.

лели с мадьярскими материалами Карпатской котловины времен «Обретения Родины». Все это позволяет говорить о том, что в какой-то момент мадьярское население, покинув урало-казахстанские степи, кроме западного направления, уходит глубоко в лесостепную зону и остепненные ниши южноуральских предгорий. Впоследствии они, вероятнее всего, приняли активное участие в этногенезе автохтонного населения Урала, Западной Сибири и Казахстана.

Такова, с нашей точки зрения, основная канва событий и культурных трансформаций, происходивших в пределах лесостепной и степной зон Южного Урала во второй половине I тысячелетия н.э.

Из общей логики наших наблюдений в решении «мадьярской проблемы» можно наметить несколько весьма важных направлений.

1. В пределах Среднего и Южного Урала сообразно археологическим данным намечается две сравнительно автономные линии культурогенеза – угорская и мадьярская. Процесс раннеугорского (протомансийского) культурогенеза происходит на широте северной лесостепи Среднего Урала и отражает динамику перемещения зауральского населения – носителей гребенчато-шнуровой тальковой керамики (петрогромская, молчановская, юдинская и чияликская) – в среду Прикамского населения ломоватовского и неволинского культурно-исторического ареала Предуралья. Этот процесс, логично завершаясь, приводит в распределении в Предуралье древнемансийского населения.⁵³

2. Мадьярский культурогенез связан с памятниками кушнаренковско-караякуповского ареала, которые изначально располагаются в пределах лесостепного Зауралья (Тоболо-Исетское поречье) и возникают в процессе культурной трансформации постсаргатского, полуоседлого населения в среде южно-таежных мигрантов юго-западной Сибири. Впоследствии после распада Бакальского ИКГ происходит переселение части его населения на запад (через бассейны рек Уфа, Аи и Сим – Юрюзань) и на юг в степное Зауралье

(в VI веке). С этого момента, вероятнее всего, мы можем наблюдать две автономные линии кушнарековско-караякуповского культурогенеза – лесостепная приуральская и степная зауральская. В первом случае, благодаря относительно хорошей изученности этих памятников в пределах Башкортостана и Татарстана, мы можем проследить отдельные этапы культурного развития, этого протомадьярского населения от момента его появления в середине VI века до затухания традиций приуральского лесостепного кушнаренково и караякупово к концу VIII века, то большая часть ранней истории зауральского кушнаренковско-караякуповского кочевого населения пока остается не совсем ясной. Сегодня мы лишь можем констатировать, что, вероятнее всего, основная часть этого населения была инкорпорирована в гунно-болгарскую и тюрко-телесскую среду, которая составляла основу кочевого сообщества Западно-Тюркского Каганата в VI–VIII веках.

3. С распадом его, который был вызван переселением нового восточнотюркского населения огузов, карлуков и кыпчаков в пределы Центрального и Южного Казахстана степные и лесостепные района Южного Урала. В культурном отношении этот импульс довольно четко маркируется появлением здесь памятников сrostкинской культуры типа Синеглазово и Каранаево.⁵⁴ В составе этого алтайского миграционного импульса, кроме уже названных племен, вероятно, были какие-то группы кыргызского облика, на что указывает наличие значительного числа характерных погребений с трупосожжением среди комплексов могильника Уелги.

Одновременно с этим начинается новый этап активизации лесостепного и южнотаежного угорского населения Среднего Зауралья и Западной Сибири, который отразился в распространении памятников юдинского и чияликского типа от Тобола до Прикамья. Процесс активного тюрко-угорского микширования, происходивший в этом регионе, был активизирован тем фактом, что новое кимакокыпчакское население включало изначально

⁵³ Напольских 2008, 21–22.

⁵⁴ Савинов 1976; Савинов 1979; Боталов 1987.

значительный угорский компонент, влившийся в его состав в пределах лесостепного Алтая, Приобья и Барабы в более ранний период (юрт-балыкский этап верхнеобской культуры).

Все вышеперечисленные процессы окончательно сnivelировали протомадьярскую составляющую в кочевом населении Южного Урала, что хорошо маркируется в поздних комплексах конца IX–X в. (Муракаевские, Старохаалиловские, Синеглазовские, Карача-

евские курганы, могильник Уелги), где либо совсем исчезает традиция установки керамической посуды в погребениях, либо отчетливо заметен процесс затухания позднекушнаренковских и позднекараякуповских традиций в керамическом комплексе этих памятников. На смену ему приходит посуда с гребенчатощнуровой орнаментацией, характерной для позднего этапа петрогромско-юдинского (чияликского) ИКГ.

ЛИТЕРАТУРА

- АРСЛАНОВА 1969: Арсланова, Ф. Х.: Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. In: *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана*. Ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1969, 43–57.
- БЕЛАВИН–ИВАНОВ–КРЫЛАСОВА 2009: Белавин, А. М. – Иванов, Б. А. – Крыласова, Н. Б.: *Угры Предуралья в древности и средние века*. Уфа 2009.
- БИСЕМБАЕВ 2003: Бисембаев, А. А.: Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области. In: *Известия НАН РК. Серия общественных наук* 1 (2003) 60–74.
- БОТАЛОВ 1987: Боталов, С. Г.: Курганы у оз. Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С. А. Гатцука). In: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. Ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1987.
- БОТАЛОВ 1988: Боталов, С. Г.: Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов. In: *Проблемы хронологии урало-казахстанских степей*. Челябинск 1988.
- БОТАЛОВ 1996: Боталов, С. Г.: Памятники селенташского типа в Южном Зауралье. In: *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. Ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1996.
- БОТАЛОВ 2000: Боталов, С. Г.: Поздняя древность и раннее средневековье. In: *Древняя история Южного Зауралья 2*. Челябинск 2000.
- БОТАЛОВ 2009: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск 2009.
- БОТАЛОВ 2012: Боталов, С. Г.: Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria». *Вестник Челябинского государственного университета*. 11 (2012) 128–146.
- БОТАЛОВ ET AL. 2008: Боталов, С. Г. – Тидеман, Е. В. – Лукиных, А. А. – Вохменцев, М. П.: Новые материалы исследований Большого Бакальского городища. In: *Проблемы бакальской культуры. Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры*. Ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 6–41.
- ГАРУСТОВИЧ–ИВАНОВ 2001: Гарустович, Г. Н. – Иванов, В. А.: *Огузы и печенеги в евразийских степях*. Уфа 2001.
- ГЕНИНГ 1959: Генинг, В. Ф.: Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. *Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук* 2. Казань 1959.
- ГОЛДИНА 1985: Голдина, Р. Д.: *Ломоватовская культура в Верхнем*. Иркутск 1985.
- ГОЛДИНА–ВОДОЛАГО 1990: Голдина, Р. Д. – Водолаго, Н. В.: *Могильники неволинской культуры в Приуралье*. Иркутск 1990.
- ГОРБУНОВА 2010: Горбунова, Т. Г.: *Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты*. Барнаул 2010.
<https://doi.org/10.1353/imp.2010.0083>
- ЕВТЮХОВА 1948: Евтюхова, Л. А.: *Археологические памятники енисейских кыргызов*. Абакан 1948.
- ИВАНОВ 1993: Иванов, В. А.: Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье. In: *Хронология памятников Южного Урала*. Уфа 1993, 141–150.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.

- ИВАНОВ 2002: Иванов, В. А.: Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье. In: *История татар с древнейших времен. Народы степной Евразии в древности* 1. Ред.: Усманов, М. А. – Хакимов, Р. С. Казань 2002, 204–209.
- ИВАНОВ 2002а: Иванов, В. А.: Древние Угры вокруг Урала. In: *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск 2002.
- КУЗЕЕВ 1971: Кузеев, Р. Г.: *Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности*. Археология и этнография Башкирии 4. Уфа 1971.
- КАЗАКОВ 1972: Казаков, Е. П.: О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. In: *Проблемы археологии и древней истории угров: сб. ст.* Ред.: Чернецов, В. Н. Москва 1972, 161–167.
- КАЗАКОВ 1992: Казаков, Е. П.: *Культура ранней Волжской Болгарии*. Москва 1992.
- КАЗАКОВ 2001: Казаков, Е. П.: О локализации мадьяр в IX в. In: *Вопросы древней истории Волго-Камья*. Ред.: Казаков, Е. П. Казань 2001.
- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. In: *Мадьяры в Середньому Подніпров'ї*. Ред.: Комар, А. В. Киев 2011, 21–78.
- МАТВЕЕВА 2007: Матвеева, Н. П.: Формирование кушнаренокских комплексов в Зауралье. In: *Проблемы генезиса культур Сибири*. Ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2007, 63–75.
- МАТВЕЕВА 2012: Матвеева, Н. П.: *Козловский могильник эпохи Великого переселения народов*. Тюмень 2012.
- МАТВЕЕВА 2012а: Матвеева, Н. П.: Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–10 годов. In: *AV ORIGINE. Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета*. Ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2012.
- МАЖИТОВ 1968: Мажитов, Н. А.: *Бахмутинская культура*. Москва 1968.
- МАЖИТОВ 1977: Мажитов, Н. А.: *Южный Урал в VIII–XIV вв.* Москва 1977.
- МАЖИТОВ 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.* Москва 1981.
- МАЖИТОВ 1993: Мажитов, Н. А.: Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XII вв.). In: *Хронология памятников Южного Урала*. Ред.: Агеев, Б. Б. Уфа 1993, 119–140.
- МОЛОДИН ET AL. 1988: Молодин, В. И. – Савинов, Д. Г. – Елагин, В. С. – Соболев, В. И. – Полосьмак, Н. В. – Сидоров, Е. А. – Соловьев, А. И. – Бродовский, А. П. – Новикова, А. В. – Ким, А. Р. – Чикишев, Е. А. – Беланов П. И.: *Бараба в тюркское время*. Новосибирск 1988.
- НАПОЛЬСКИХ 2008: Напольских, В. В.: *Пермско-угорские взаимодействия по данным языка и проблемам границ угорского участия в этнической истории Предуралья*. Вопросы археологии Урала 25. Ижевск 2008.
- НЕВЕРОВ 1988: Неверов, С. В.: *История племен сrostкинской культуры VII–XII вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. наук*. Москва 1988.
- ОВЧИННИКОВА–ДЬЕНИ 2008: Овчинникова, Б. – Дьени, Г.: *Протовенгры на Урале в трудах российских и венгерских исследователей*. Екатеринбург 2008.
- ПОПОВ 2011: Попов, П. В.: К вопросу об этнокультурных элементах в составе Огузов и печенегов. *Нижеволжский археологический вестник* 12 (2011) 114–137.
- РАСПОПОВА 1980: Распопова, В. И.: *Металлические изделия раннесредневекового Согда*. Ленинград 1980.
- САВИНОВ 1976: Савинов, Д. Г.: Расселение кимак в IX–X вв. по данным археологических источников. In: *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Ред.: Лкишев, К. А. Алма-Ата 1976.
- САВИНОВ 1979: Савинов, Д. Г.: Об основных этапах развития этнокультурной общности и кыпчаков на юге Западной Сибири. In: *История, археология и этнография Сибири*. Томск 1979.
- САВИНОВ 1984: Савинов, Д. Г.: Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. In: *Проблемы археологии степей Евразии*. Кемерово 1984.
- ТАИРОВ 2003: Таиров, А. Д.: *Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям*. Челябинск 2003.
- ТАИРОВ 2007: Таиров, А. Д.: *Кочевники урало-казахстанский степей в VII–VI вв. до н.э.* Челябинск 2007.

ТОРГОВЕВ 2011: Торгоев, А. И.: *Ременные украшения Семиречья V – начала XIII в. (вопросы хронологии). Автореф. дисс. канд. ист. наук.* Санкт-Петербург 2011.

ФОДОР 2007: Фодор, И.: *Евразийская степь и Карпатская котловина. Средневековая*

археология евразийских степей 2. Отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Ситдииков, А. Г. Казань (2007) 153-157.

ХАЛИКОВА 1976: Халикова, Е. А.: *Больше-Тиганский могильник. Советская археология* 1976:2 (1976) 158–178.

A DÉL-URÁL A 6–11. SZÁZADBAN. ÉSZREVÉTELEK AZ UGOR ÉS A MAGYAR NÉPESSÉG ANYAGI MŰVELTSÉGÉNEK KIALAKULÁSÁVAL KAPCSOLATBAN

A Középső- és Dél-Urál határai mentén a kora középkori régészeti adatok szerint két, aránylag önálló irányban fejlődő kultúra, anyagi műveltség kialakulása figyelhető meg: az ugoré és a magyaré. A korai ugor (protomansi) kulturális genezis a Középső-Urál északi, széles, erdős sztyeppi térségében ment végbe, és tükrözi az Urálon túl népeisének (melyet a talkummal soványított, fésűs-zsinédízes díszítésű kerámia népeisége képvisel a petrogromszkaja, molcsanovszkaja, jugyinszkaja és csijalicszkajakultúrákban) keveredését és ennek dinamikáját az Urál nyugati oldalán, a Káma-vidéken egykor létezett lomovátovói és nyevolinói kulturális-történeti areállal. Ez a folyamat az ősmansyi népeiség nyugat-uráli elkülönülésével fejeződött be.

A magyar kultúrgenezis a kusnarenkovói és a karajakupovói kultúra emlékeivel van kapcsolatban, mely eredetileg az Urálon túl erdős sztyeppi térségében alakult ki, és a Tobol és Iszety folyók mentén létezett. Ezen kultúrák egy késő szargatszkajakultúrát hordozó félnomád népeiség kulturális átalakulásának eredményeképpen jöttek létre a délnyugat-szibériai tajgai migránsok környezetében. E népeiség egy része a bakalszkaja történeti-kulturális térség felbomlásának következtében települt át az Urál nyugati oldalára (az Ufa, Ai és Szim, valamint Jurjuzany folyók völgyei mentén), és déli irányban is, az Urálon túl füves sztyeppjére (6. század). Ettől a pillanattól kezdve – minden valószínűség szerint – immár két, autonóm módon továbbfejlődő kusnarenkovo–karajakupovói kulturális genezist figyelhetünk meg: az Urál nyugati oldalának erdős sztyeppi és az Urálon túl füves sztyeppi variánsát.

Az első esetben – a Baskortosztánban és Tatarsztánban szerencsére meglehetősen jól kutatott emlékeknek köszönhetően – nyomon tudjuk követni a kultúra fejlődési fázisait: ennek az előmagyar népeiségnek a 6. század közepi itteni feltűnését annak első pillanatától kezdve a 8. század végéig, az erdős sztyeppi, nyugat uráli kusnarenkovo–karajakupovói tradíció kihunyásáig.

Ugyanakkor a másik, az urálon túli kusnarenkovo–karajakupovói nomád népeiség korai történetének nagy része ma még nem teljesen világos. Jelenleg mindössze annyit tudunk megállapítani, hogy nagy valószínűséggel ennek a népeiségnek a nagyobbik része abba a hun-bolgár és türk-tölöszt közösségbe tagozódhatott be, mely a 6–8. századi Nyugati Türk Kaganátus nomád társadalmát alkotta.

Ennek a szétesése a keleti türk karul és kipszak népeiség Közép- és Dél-Kazahsztán területére történő vándorlásával, áttelepülésével áll kapcsolatban, illetve az onogurok hun-bolgár népeiségeinek feltűnésével a Dél-Urál erdős sztyeppi területén. Ezt az impulzust a kulturális kapcsolatok terén meglehetősen jól jellemzi a szrosztkinszkajakultúra leletanyagának feltűnése a térségben Szinyeglazovo és Karanajevo lelőhelyeken. Ezen altaji háttérű migrációs impulzus összetevői között egészen biztosan jelentős számban képviseltették magukat kirgiz csoportok is, melyre az uelgi lelőhelyen megfigyelt nagyszámú halott-hamvasztás utal.

Ezzel egy időben a Középső-Urál és Nyugat-Szibéria erdős sztyeppi és déltaizgai népeisége újra aktivizálódott, amelyet a jugyinszkij- és a csijalicszkij-típusú leletanyag elterjedése tükröz a Toboltól a Káma mentéig. A török és ugor népeiség ebben a térségben aktívan keveredett, mely azáltal is fokozódott, hogy az új kimek-kipszak népeiség már eredendően, korábról magában foglalt egy jelentős ugor komponenszt, melyet az Altaj és az Ob folyó vidékéről, valamint a Baraba füves sztyepp térségéből olvasztott magába még jóval korábban (ez régészetileg a verhnyeobszkajakultúra jurtt-balykszkij fázisát jelenti).

E folyamatok végezetül nivellálták, semlegesítették, eltüntették az előmagyar komponenszt a Dél-Urál nomád népeiségében. Ennek a folyamatnak a végét jól kijelölik a 9–10. századi kései leletgyűttesek

(a murakajevszkijei, sztarohalilovszkijei, szinyeglazovszkijei, karacsjevszkijei kurgánok és az Uelgi temető), ahol egyrészt vagy teljesen eltűntek a kerámialeletek a sírokból, vagy világosan kivehető a késő kusnarenkovói és késő karajakupovói tradíciók kihalása, eltűnése a kerámiamelléletekben. Ebben a vonatkozásban az itt elterjedt fésűs-zsinegdíszes díszítésű edények említhetők meg, melyek a petrogromszkiji–jugyinszkiji (csijalikszi) történeti-kulturális egységek kései fázisára jellemzőek.

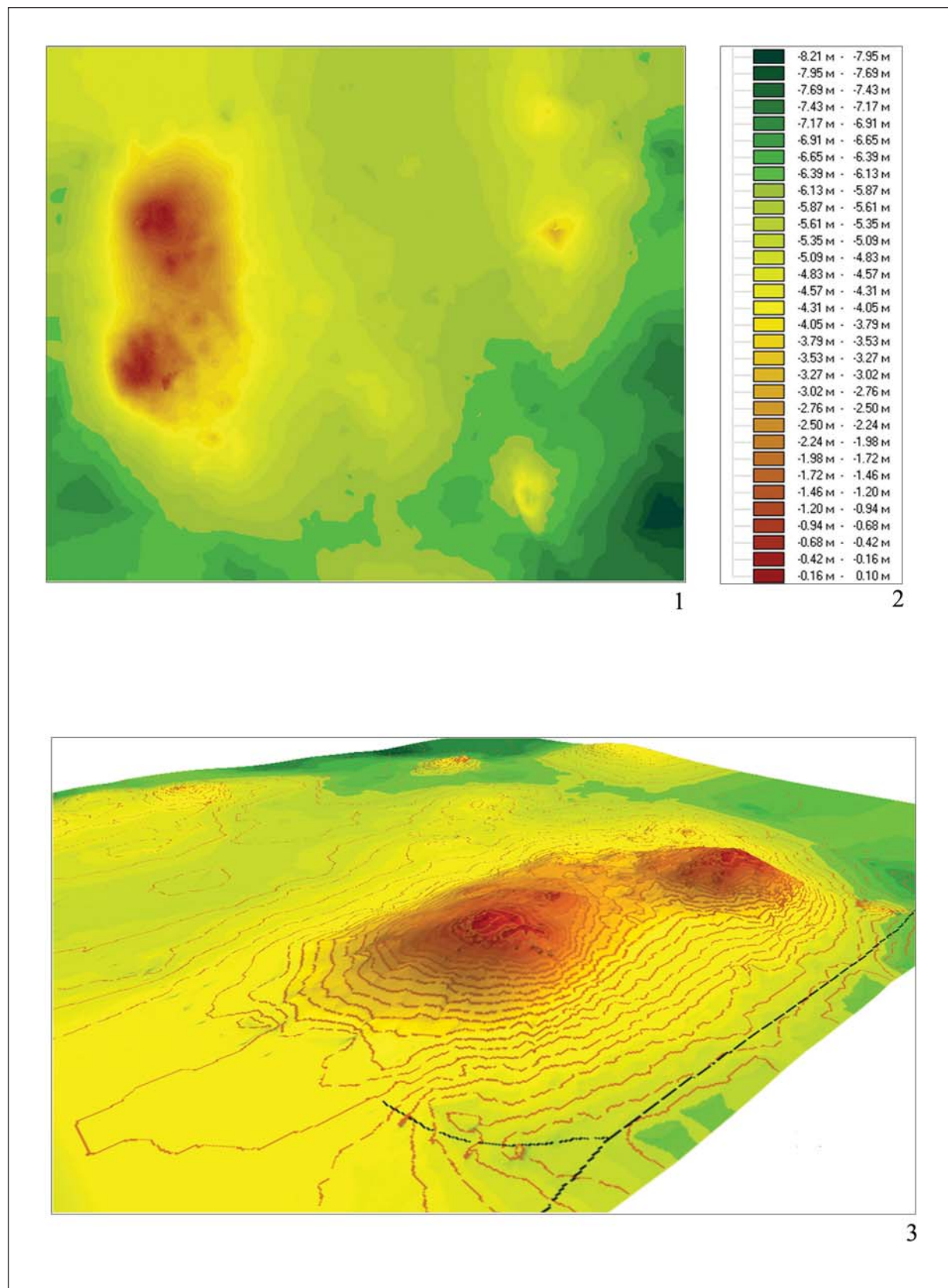

Рис. 1. Могильник Уелги. 1: Матрица высот; 2: Шкала относительных отметок; 3: 3D модель вид с северо-запада

1. kép. Az Ujelgi temető. 1: Terepmodell; 2: Magassági skála; 3: 3D terepmodell északnyugatról nézve

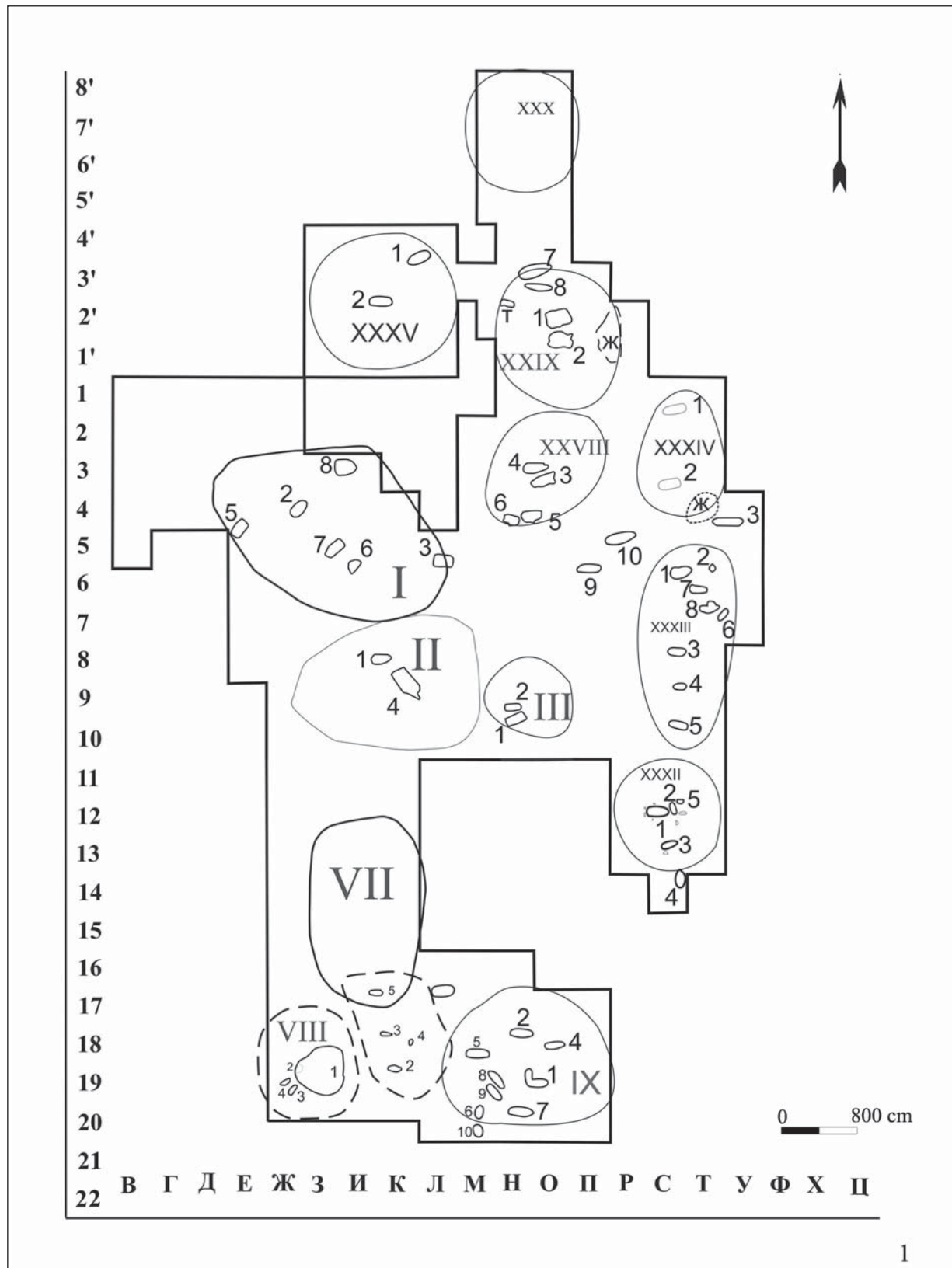

Рис. 2. Могильник Уелги. Граница основной части раскопа с нанесенными курганами (Римские цифры – нумерация курганов, арабские – погребения)
 2. kép. Ujelgi. A feltárás alapvető részének helyszínrajza a kurgánokkal (Római számok – kurgánok, arab számok – sírok)

Рис. 3. Могильник Уелги. Курган 1, погребение 5
3. kép. Ujelgi 1. kurgán 5. sír

- Рис. 3. 1: План погребения; 2: Фото погребения; 3, 9: Серебряные наконечники ремней;*
4: Остатки берестяного колчана с железными наконечниками стрел; 5: Накладная бляшка (серебро);
6: Железная пряжка; 7: Фрагмент ткани; 8: Фрагмент лицевой части берестяного колчана;
10–12: Серебряные украшения клинкового оружия; 13: Клинковое оружие
- 3. kép. 1: Sírrajz; 2: Sírfotó; 3, 9: Ezüst szíjvégek; 4: Nyírfakéreg tegez maradványai vas nyílhegyekkel;*
5: Ezüst övveret; 6: Vascsat; 7: Textiltöredék; 8: Nyírfakéreg tegez előlapjának töredéke;
10–12: Szablya ezüstveretei; 13: Szablya

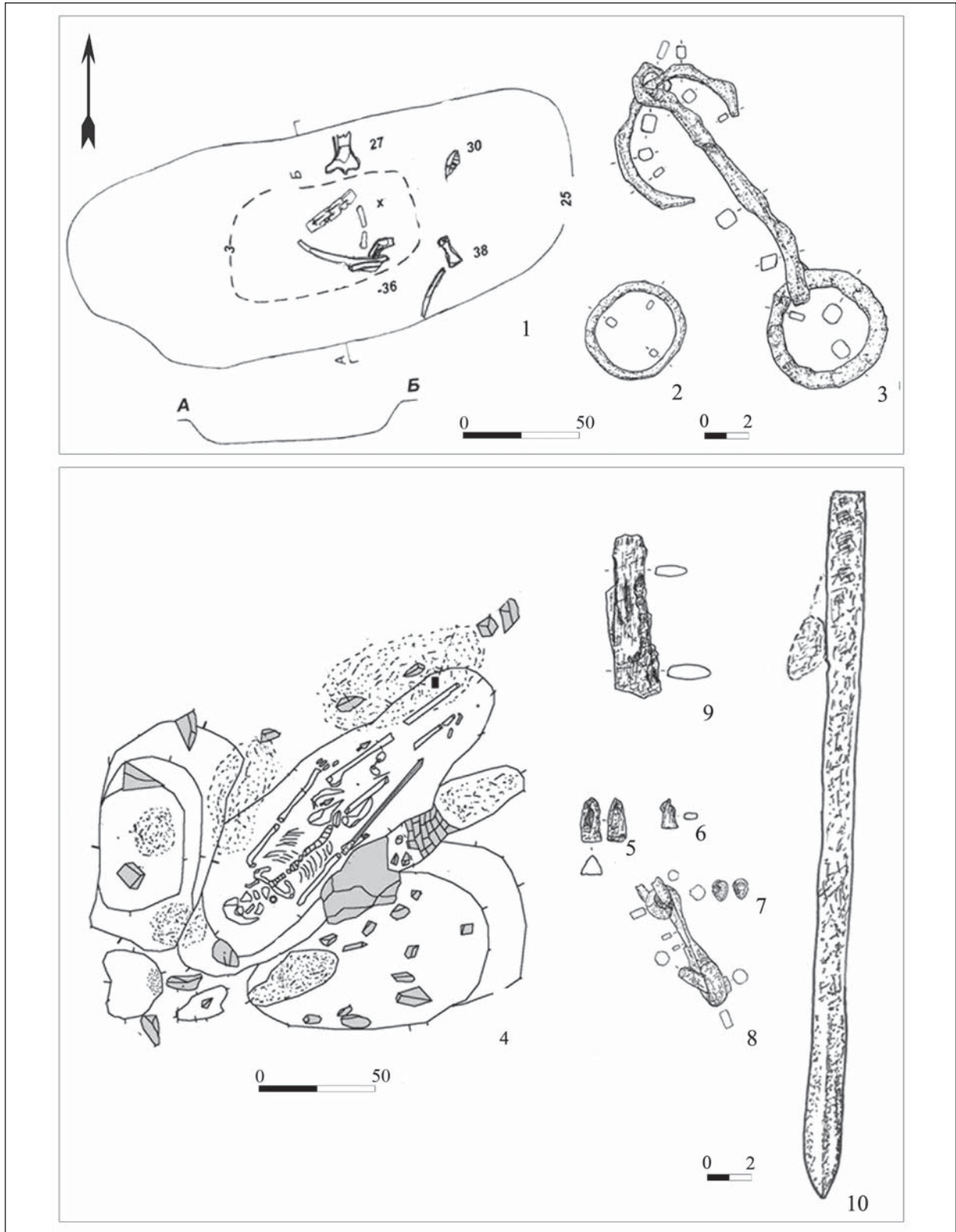

Рис. 4. Могильник Уелги. 1: Рекогносцировочная траншея 2009 г. погребение; 2: Железное кольцо; 3: Удила; 4: Курган I, погребение; 5–6: Фрагменты железных наконечников стрел; 7: Стеклобусина; 8: Удила; 9: Остатки клинкового оружия; 10: Прорисовка клинкового оружия

4. kép. Ujelgi. 1: Temetkezés a 2009-es évi szondázó ásatásból; 2: Vaskarika; 3: Zabla; 4: 1. kurgán 2. sír; 5–6: Vas nyílhegyek töredékei; 7: Üveggyöngy; 8: A vágófegyver maradványai; 10: A vágófegyver rekonstrukciós rajza

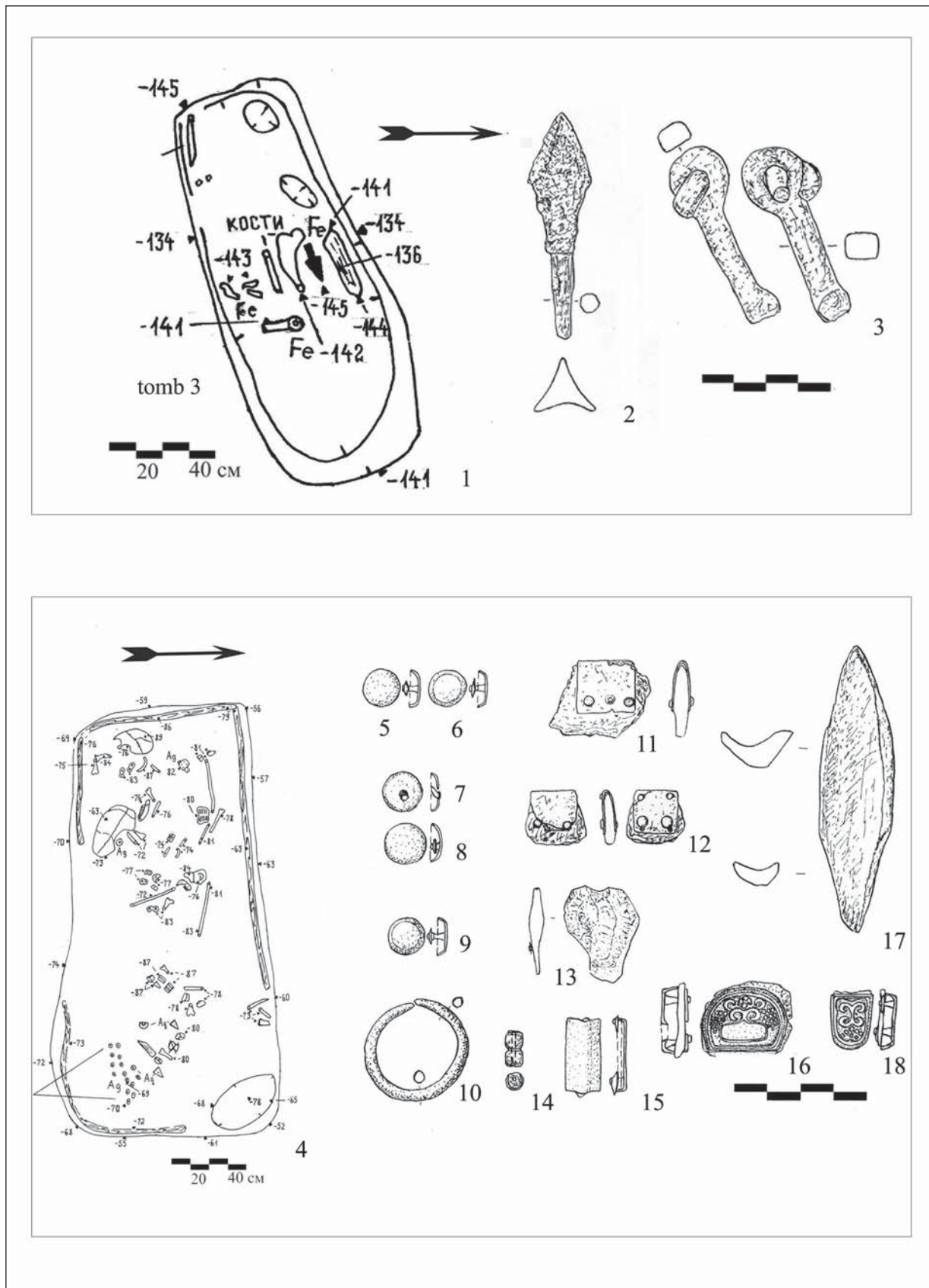

Рис. 5. Могильник Уелги. 1–3: Курган 7, погребение 3; 4–18: Курган 7, погребение 5
 5. kép. Ujelgi. 1–3: 7. kurgán 3. sír; 4–18: 7. kurgán 5. sír

Рис. 5. 1: План погребения; 2: Наконечник стрелы; 3: Фрагменты удил; 4: План погребения; 5–9: Накладные бляшки округлой формы (серебро); 10: Бронзовая серьга; 11–12: Скобы (органика, серебро); 13: Фрагмент железного изделия; 14: Бусина (стеклянная паста); 15–16, 18: Накладные бляшки (серебро); 17: Костяной наконечник стрелы

5. kép. 1: Sírrajz; 2: Nyílhegy; 3: Zabla töredéke; 4: Sírrajz; 5–9: Kerek ezüst veretek; 10: Bronz fülbevaló; 11–12: Ezüstlemezzel szegecselt szervesanyag maradványok; 13: Vastárgy töredéke; 14: Üveggyöngy; 15–16, 18: Ezüst övveretek; 17: Csont nyílhegy

Рис. 6. 1–2: План погребений; 3: Железное стремя; 4: Фрагмент железного кольца от удил; 5: Фрагмент колчана (органика); 6: Фрагмент керамического сосуда; 7: Серебряный с позолотой наконечник ремня; 8: Серебряная накладная бляшка; 9: Металлическая скоба (серебро, органика); 10: Фрагмент железного наконечника стрелы; 11: Серебряная шайба; 12: План погребения; 13: Костяной наконечник стрелы; 14, 17–20: Железные наконечники стрел; 15: Фрагмент серебряного изделия; 16: Фрагмент железного ножа; 21: Железное стремя; 22: Бронзовый наконечник

6. kép. 1–2: A sírok rajzai; 3: Vaskengyel; 4: Zabla vas karikájának töredéke; 5: Tegez töredéke (szervesanyag); 6: Kerámiaedény töredéke; 7: Aranyozott ezüst szíjvég; 8: Ezüstveret; 9: Fémpánt (ezüst és szervesanyag); 10: Vasnyílhegy töredéke; 11: Ezüst alátétlemez; 12: Sírrajz; 13: Csont nyílhegy; 14, 17–20: Vas nyílhegyek; 15: Ezüsttárgy töredéke; 16: Vaskés töredéke; 21: Vaskengyel; 22: Bronz hajfonatdísz

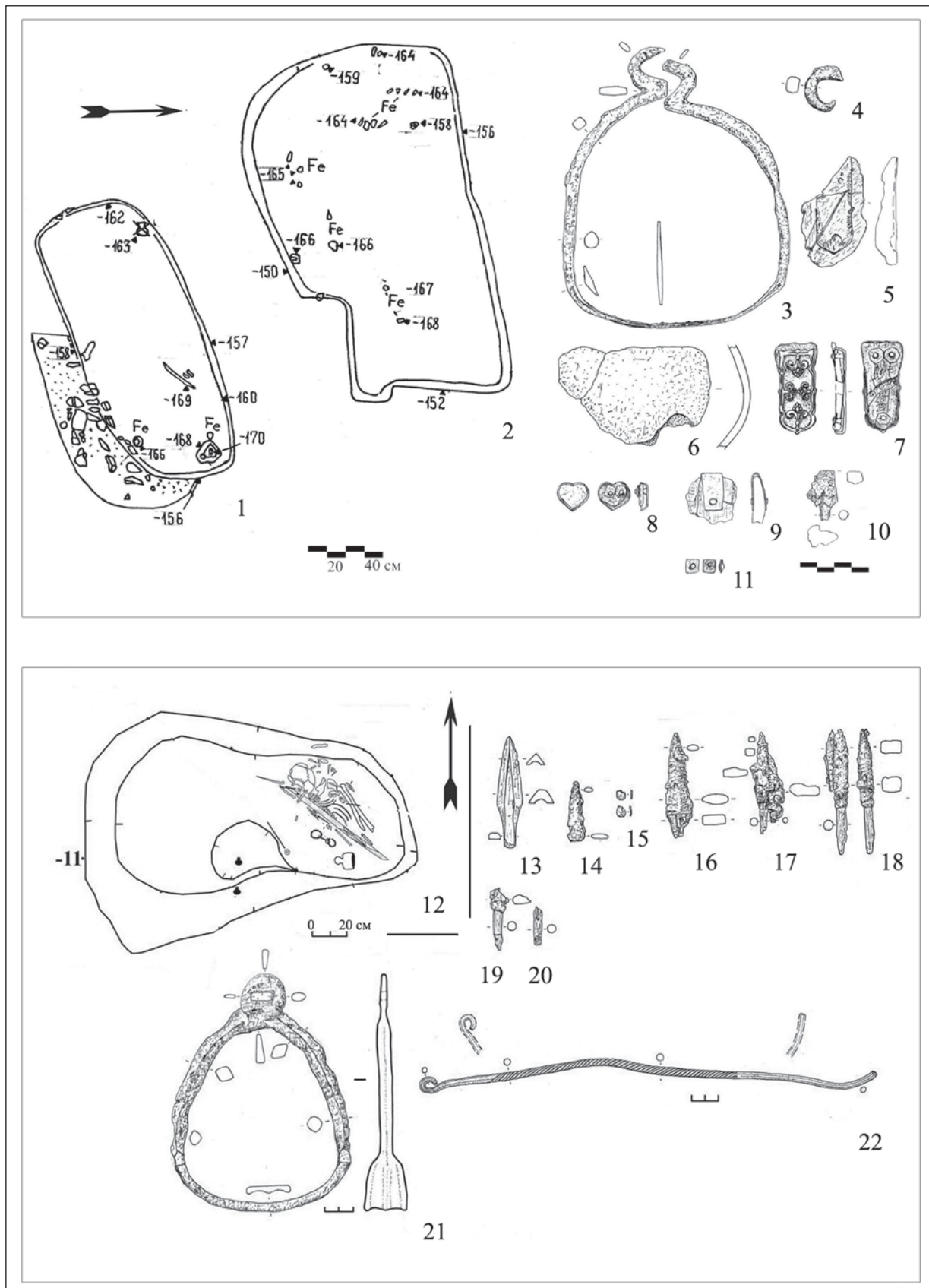

Рис. 6. Могильник Уелги. 1–11: Курган 7, погребения 1. и 2.; 12–22: Курган 1, погребение 8.
6. kép. Ujelgi. 1–11: 7. kurgán 1. és 2. sír; 12–22: 1. kurgán 8. sír

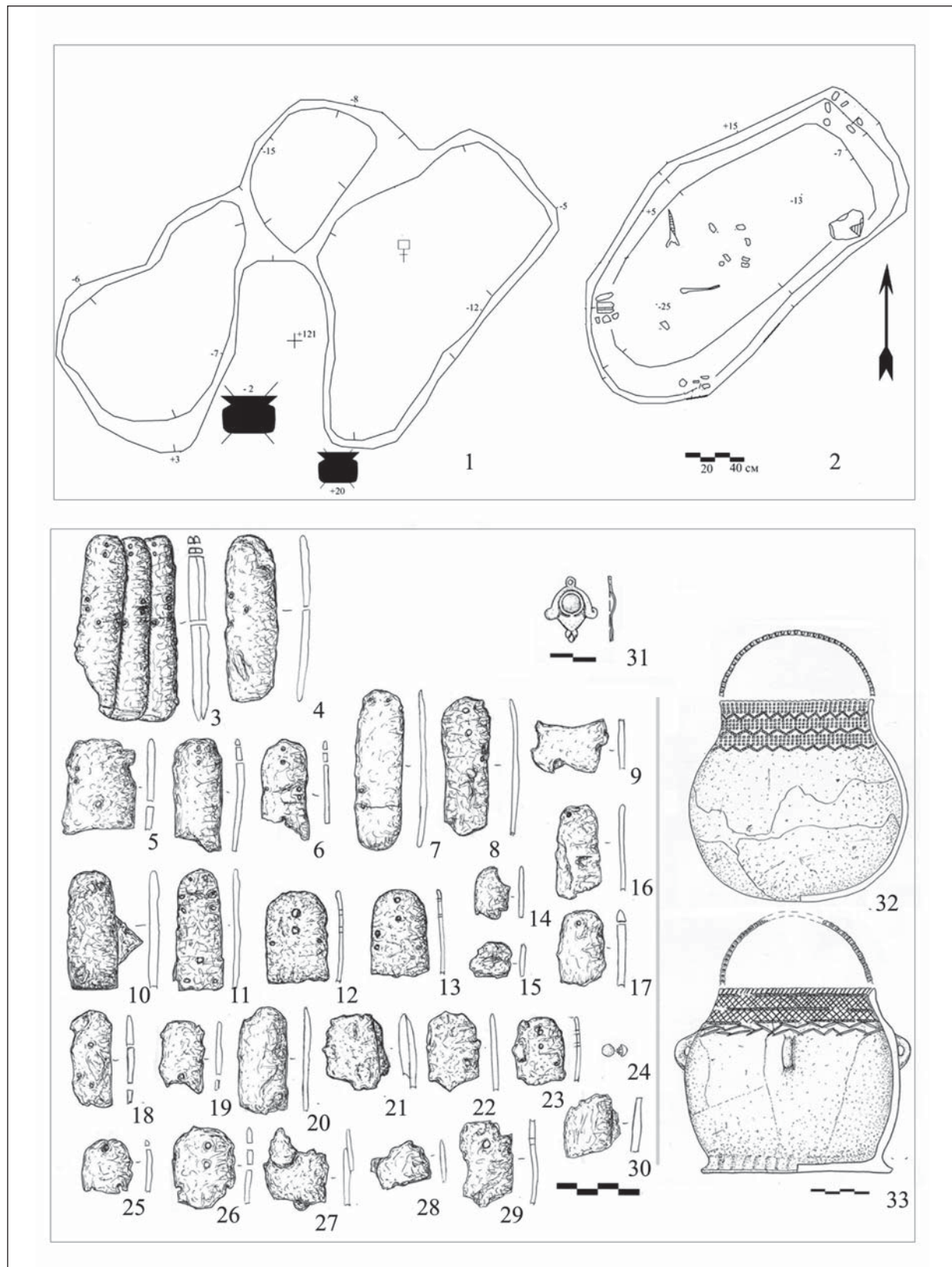

Рис. 7. Могильник Уелги. Курган 1, погребения 6 и 7. 1–2: План погребений; 3–30: Железные панцирные пластины; 31: Серебряная подвеска; 32–33: Сосуды из выкида погребения 6
 7. kép. Ujelgi 1. kurgán 6. és 7. sír. 1–2: Sírrajz; 3–30: Vas páncéllemezek; 31: Ezüstfüggő; 32–33: Edények a 6. sír betöltéséből

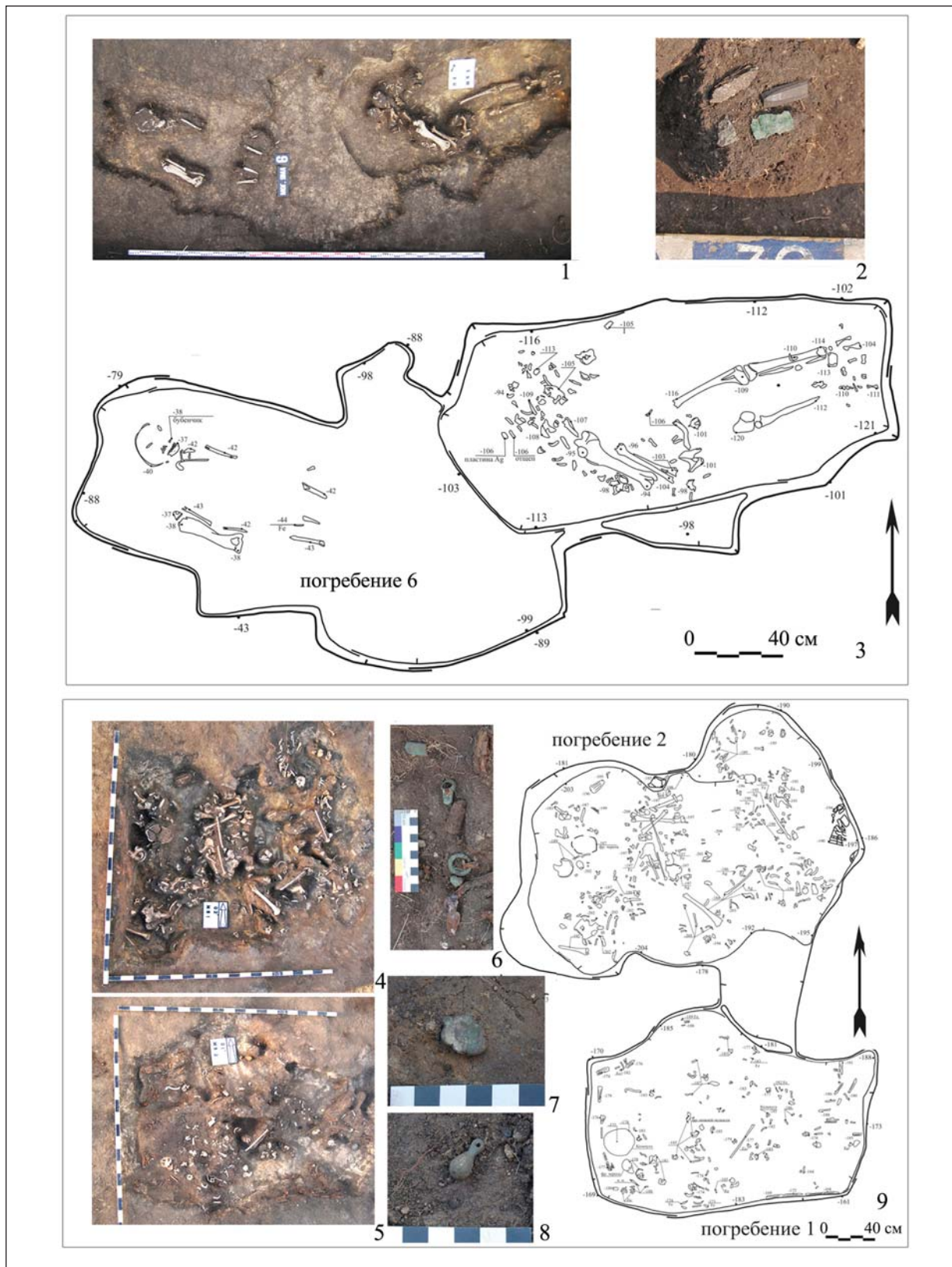

Рис. 8. 1–3: План погребений и вещи из погребения 6; 4, 9: Общій вид погребения 2; 5, 9: Общій вид погребения 1; 6–8: Инвентарь из погребения 2

8. kép. 1–3: Sírrajz és tárgyak a 6. sírból; 4, 9: A 29. kurgán 2. sír rajza; 5, 9: A 29. kurgán 1. sír rajza; 6–8: A 2. sír leletei

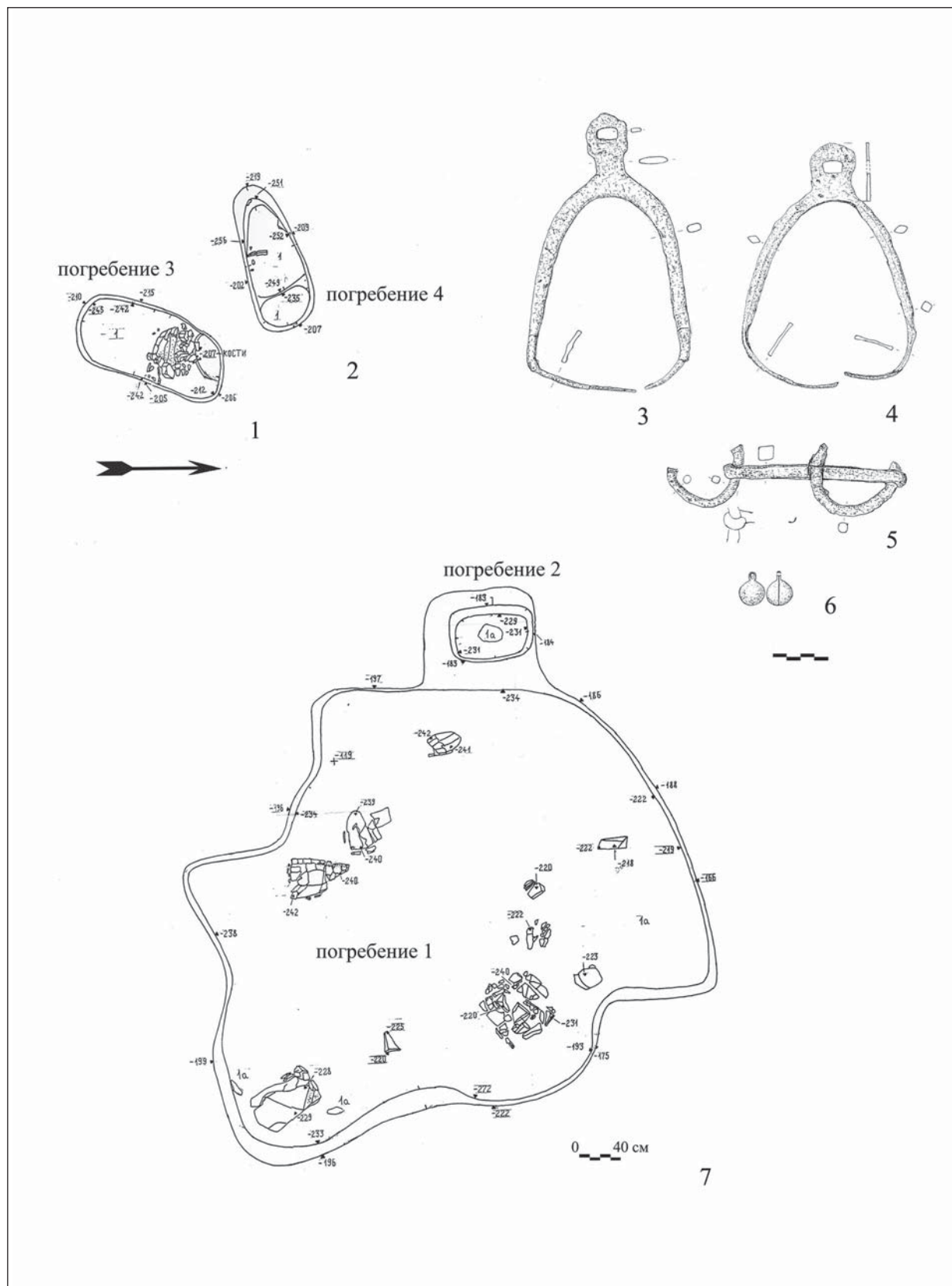

Рис. 9. Могильник Уелги. Курган 8, погребения 1–4. 1–2, 7: План погребений; 3–4: Стремена; 5: Удила; 6: Бубенчик

9. kép. Ujelgi 8. kurgán 1–4. sír. 1–2, 7: Sírrajzok; 3–4: Kengyelek; 5: Zabla; 6: Bronzcsörgő

Рис. 10. Могильник Уелги. 1–4: Курган 28, погребения 3 и 4; 5–12: Курган 3
10. kép. Ujelgi. 1–4: 28. kurgán 3. és 4. sír; 5–12: 3. kurgán

Рис. 10. 1: Костяные наконечники стрел; 2: Общий вид погребений (вид с севера); 3: План погребений; 4: Фрагмент челюсти; 5: Фрагмент керамики; 6–7: Фрагменты железных изделий; 8: Накладные бляшки уздечного набора (серебро); 9–10, 12: Накладные бляшки; 11: Фрагмент изделия из цветного металла

10. kép. 1: Csont nyílhegyek; 2: A sírok képe észak felől; 3: Sírrajz; 4: Állkapocs töredéke; 5: Kerámiatöredékek; 6–7: Vastárgyak töredékei; 8: Ezüst lószerszámveretek; 9–10, 12: Övveretek; 11: Színesfém töredék

Рис. 11. 1: План погребения; 2: Накладная бляшка уздечного набора; 3–5: Накладные бляшки поясного набора; 6: Керамический сосуд у головы погребенного; 7: Расположение металлических украшений (деталей одежды и пояса) на теле погребенного; 8–9: Расположение деталей уздечных украшений и стремени в ногах погребенного

11. kép. 1: Sírfotó; 2: Lószerszámveret; 3–5: Övveretek; 6: Kerámia a halott feje mellől; 7: A fémveretek és ékszerek elhelyezkedése a halott testén (a ruházat és az öv részei); 8–9: A kengyel elhelyezkedése a halott lábánál és a lószerszámveretek

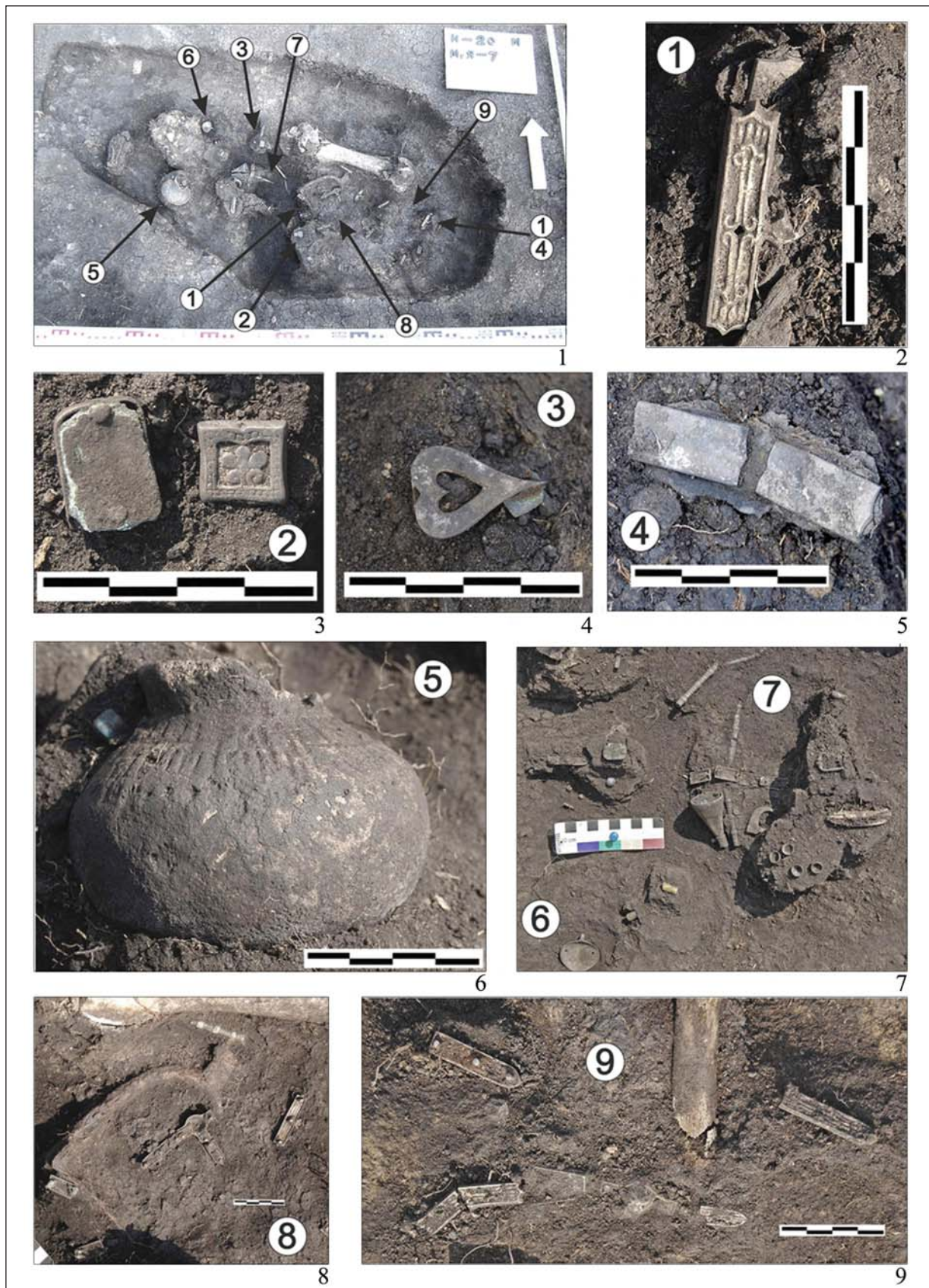

Рис. 11. Могильник Уелги. Курган 9, погребение 7

11. kép. Ujelgi 9. kurgán 7. sír

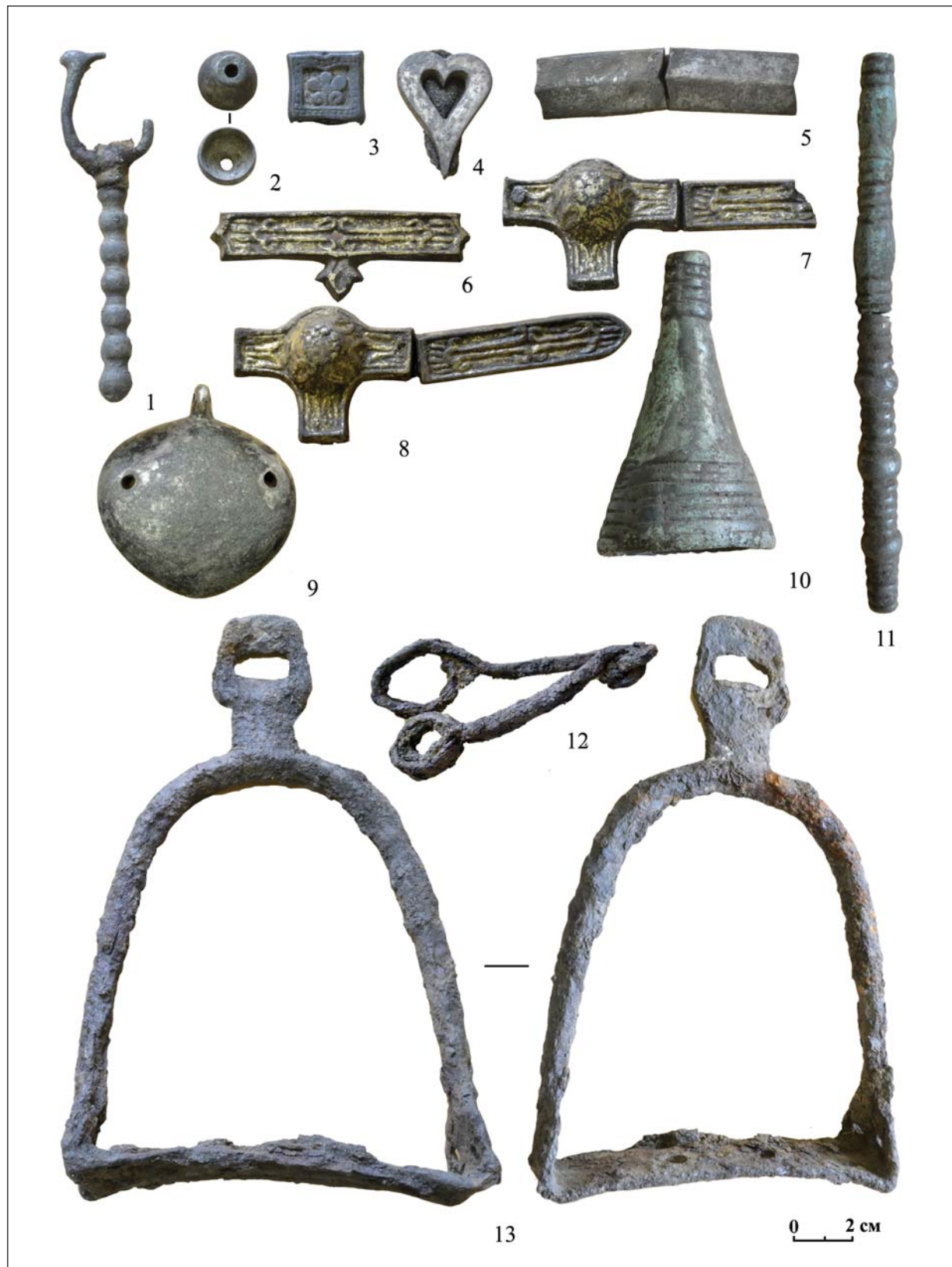

Рис. 12. Могильник Уелги. Курган 9, погребение 7. 1–11: Накладная бляшка уздечного набора и накладные бляшки поясного набора (бронза, серебро, золотая амальгама); 12: Удила; 13: Железное стремя
 12. kép. Ujelgi 9. kurgán, 7. sír. 1–11: Bronz, ezüst és aranyozott öv- és lószerszámveretek; 12: Zabla;
 13: Vaskengyel

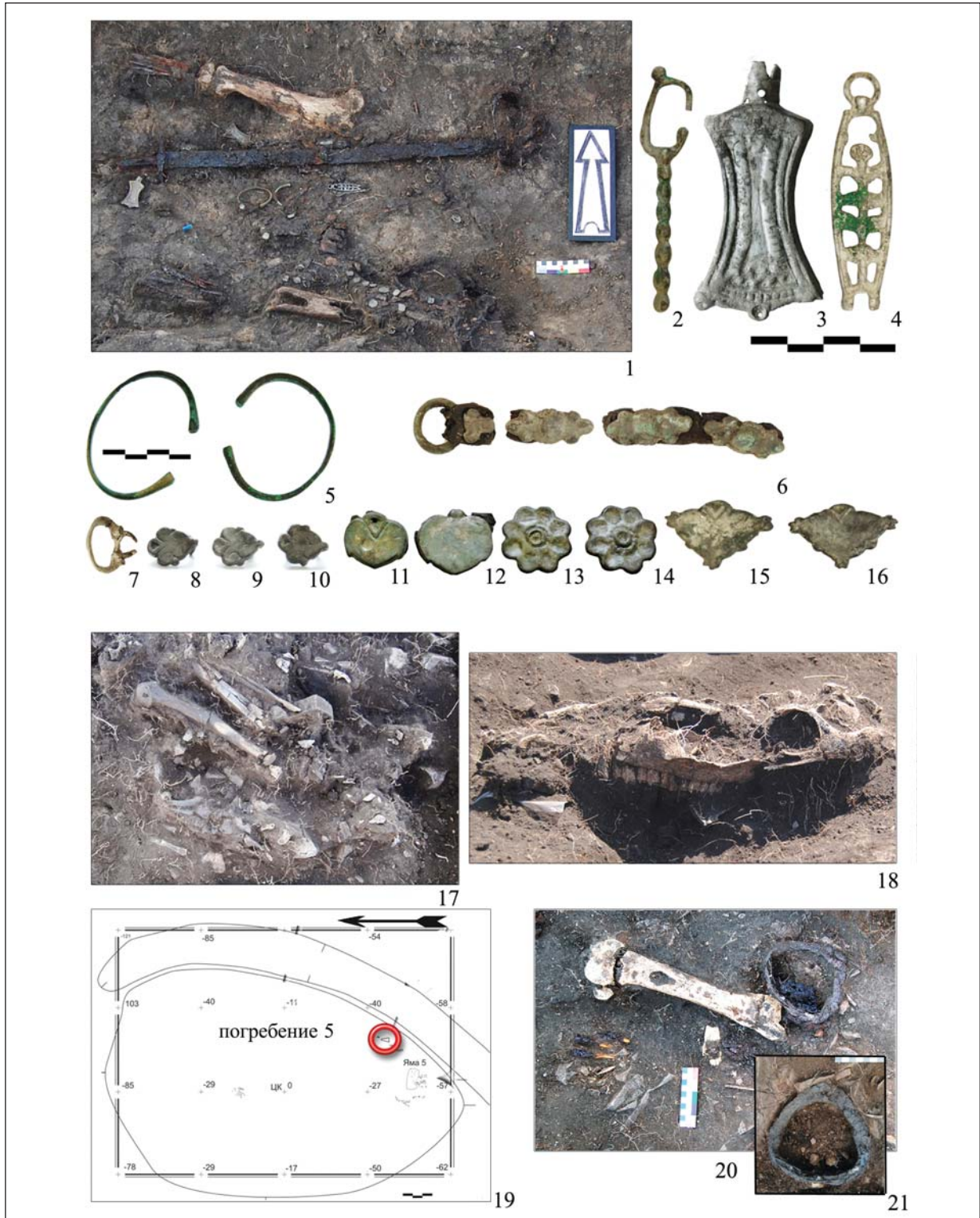

Рис. 13. 1: Общий вид (вид сверху); 2: Серьга; 3: Флаконовидная подвеска; 4: Фрагмент серебряного украшения (копоушка); 5: Бронзовые браслеты; 6: Элементы ремня; 7–16: Детали поясного (?) набора; 17: Скопление обожженных костей; 18: Конский череп; 19: План кургана; 20: Общий вид ямы; 21: Железное стремя

13. kép. 1: Sírfotó; 2: Fülbevaló; 3: Flakonalakú függő; 4: Ezüstdísz (fülkanál) töredéke; 5: Bronz karperecek; 6: Szíjrészlet; 7–16: Övkészlet részlete; 17: Égett csontok halmaza; 18: Lókoponya; 19: Sírrajz; 20: Sírfotó; 21: Vaskengyel

Рис. 14. 1–59: Стилистическая группа 1 (цветной металл);

60–92: Стилистическая группа 2 (цветной металл)

14. kép. 1–59: 1. stíluscsoport (nemes- és színesfém leletek);

60–92: 2. stíluscsoport (nemes- és színesfém leletek)

Рис. 15. 1–18: Стилистическая группа 3 (цветной металл);
 19–24: Стилистическая группа 5 (цветной металл)
 15. kép. 1–18: 3. stíluscsoport (nemes- és színesfém leletek);
 19–24: 5. stíluscsoport (nemes- és színesfém leletek)

Рис. 16. 1–54: Стилистическая группа 4 (цветной металл)
 16. kép. 1–54: 4. stíluscsoport (nemes- és színesfém leletek)

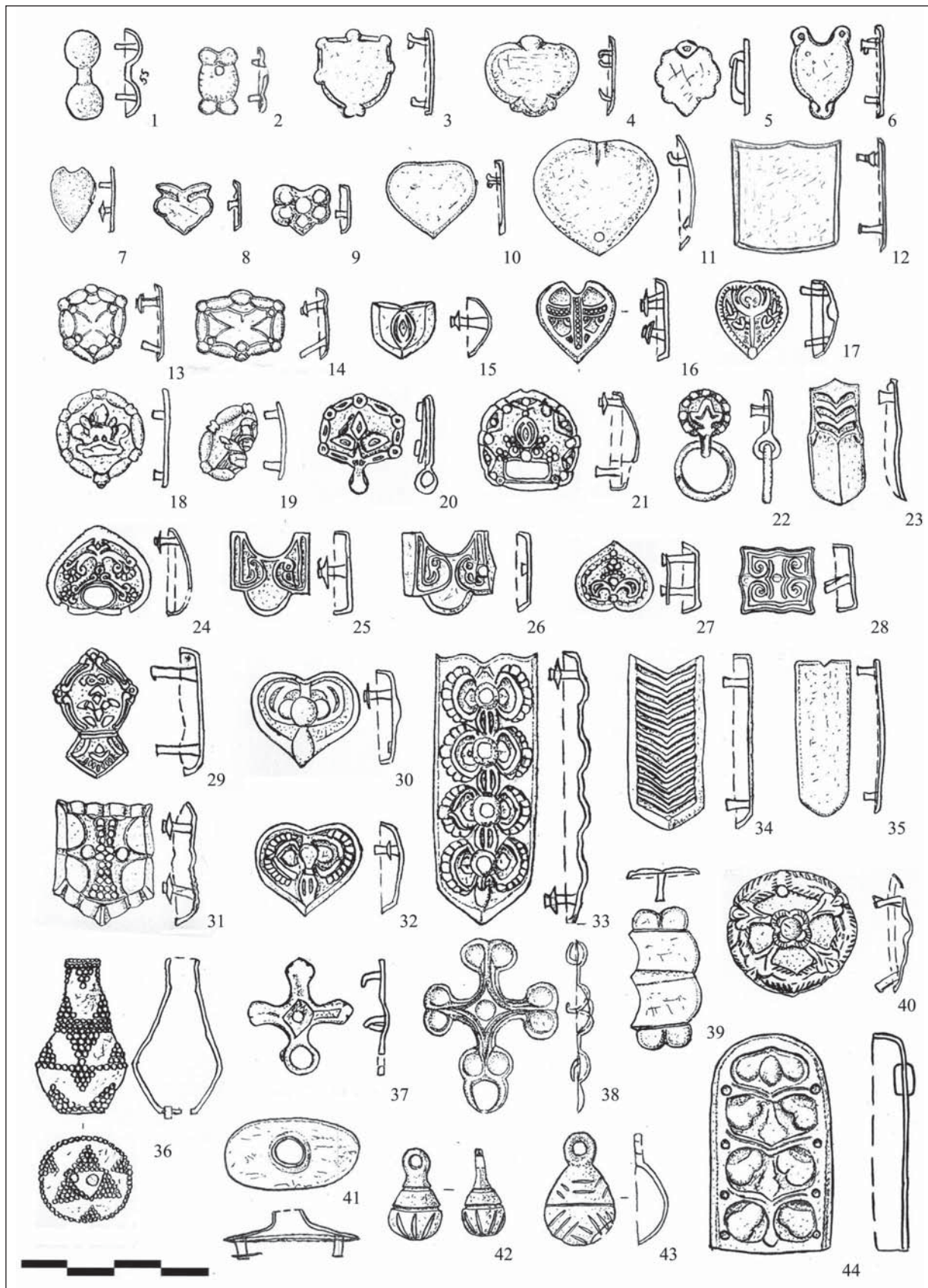

Рис. 17. 1–44: Украшения, предметы ремной гарнитуры из насыпей курганов 1 и 2 (цветной металл)
 17. kép: 1–44: Díszítmények és övveretek az 1. és 2. kurgán betöltéséből (nemes- és színesfém leletek)

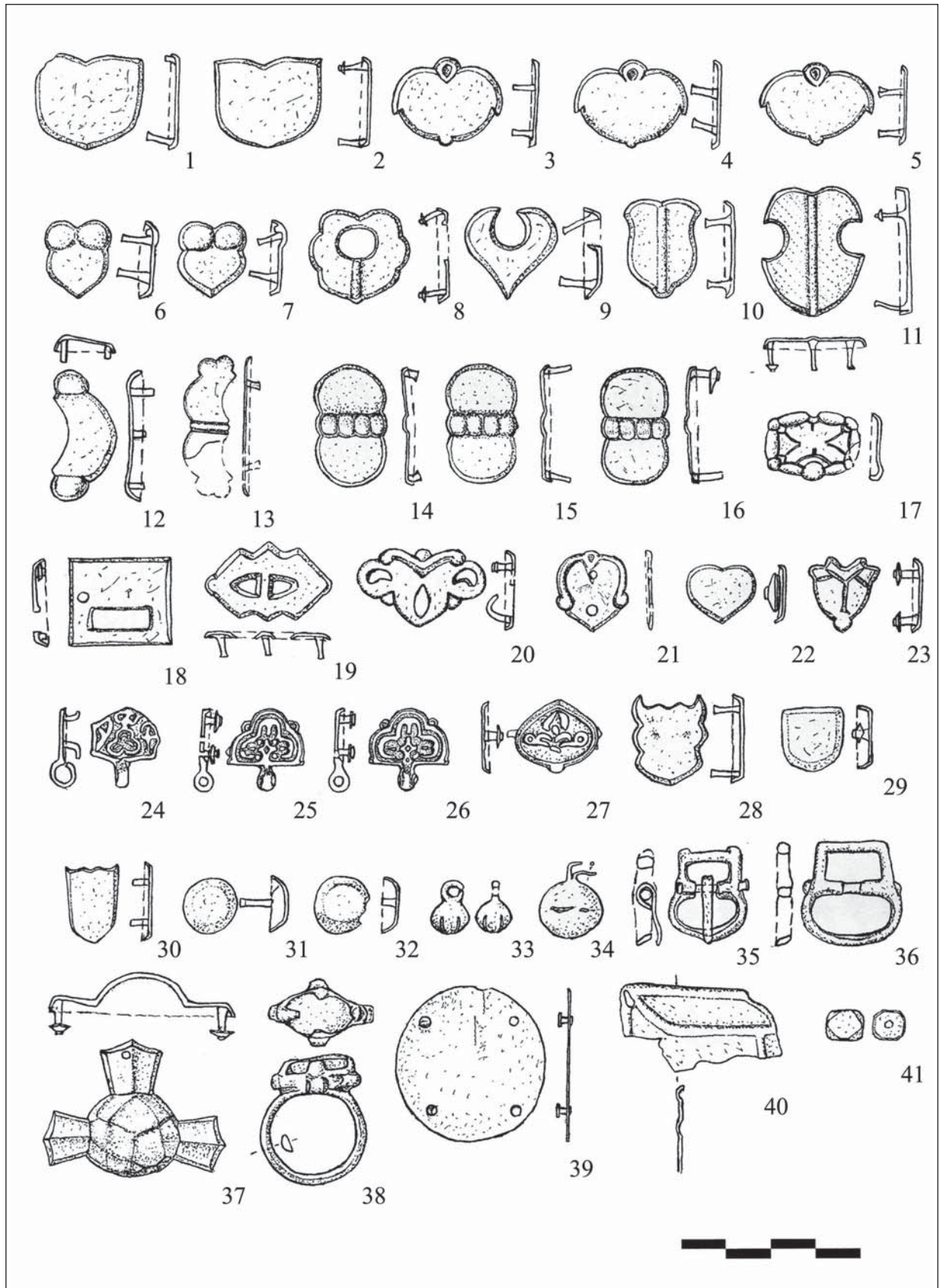

Рис. 18. 1–41: Украшения, предметы ременной гарнитуры из насыпей курганов 7 и 8 (цветной металл)
 18. kép. 1–41: Díszítmények és övveretek a 7. és 8. kurgán betöltéséből (nemes- és színesfém leletek)

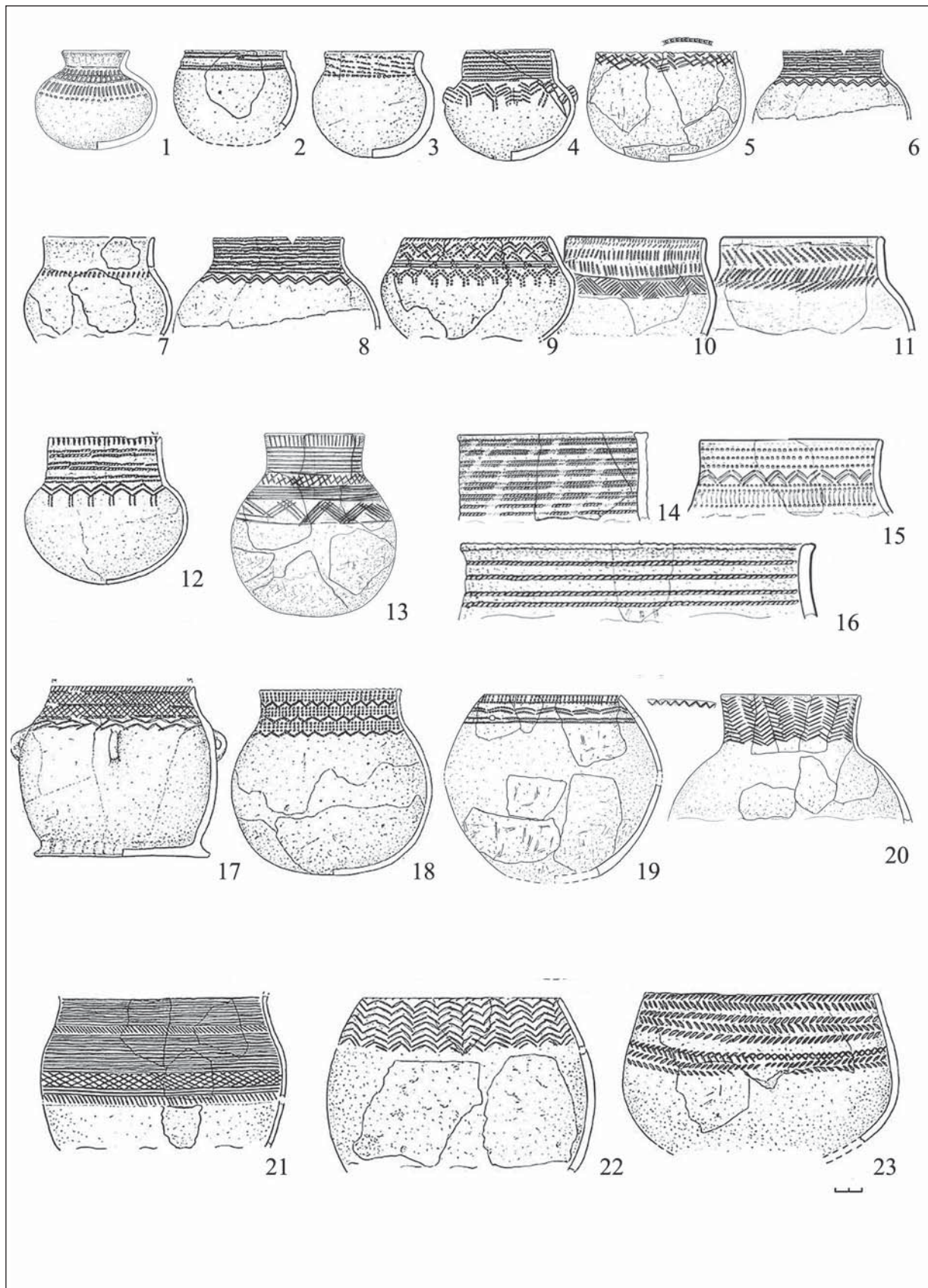

Рис. 19. 1–23: Могильник Уелги. Керамический комплекс (курганы 1, 2, 7, 9)

19. kép. 1–23: Kerámialeletek az ujelgi temetőből (1., 2., 7., 9. kurgán)

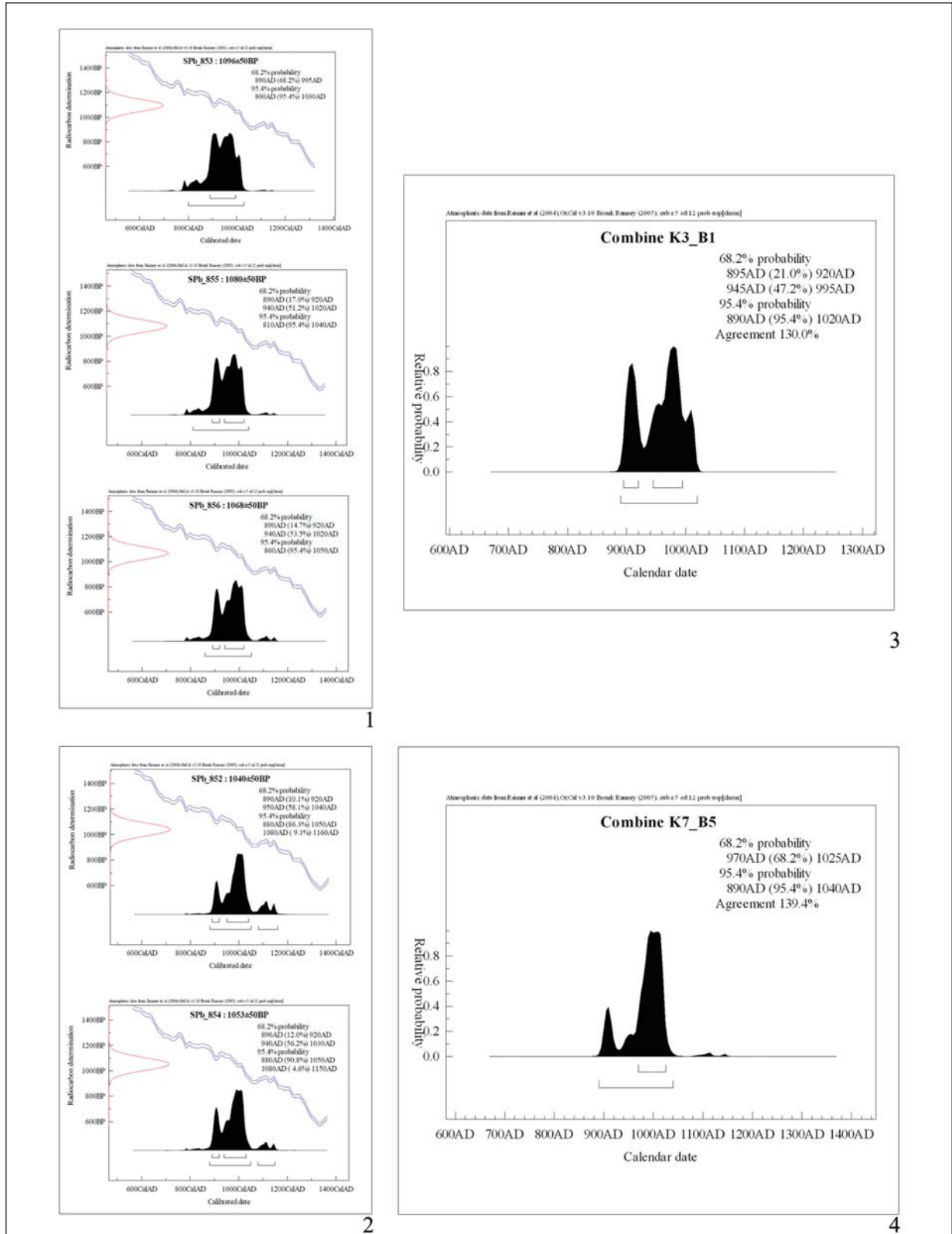

Рис. 20. 1–4: Данные радиоуглеродного датирования. 1: Пробы из погребения 1, кургана 3; 2: Пробы из погребения 5, кургана 7; 3: Комбинированные данные для погребения 1, кургана 3; 4: Комбинированные данные для погребения 5, кургана 7

20. kép. 1–4: Radiokarbon kormeghatározás adatai. 1: 3. kurgán 1. sír; 2: 7. kurgán 5. sír; 3: Kombinált kalibrációs adatok a 3. kurgán 1. sírjából; 4: Kombinált kalibrációs adatok a 7. kurgán 5. sírjából

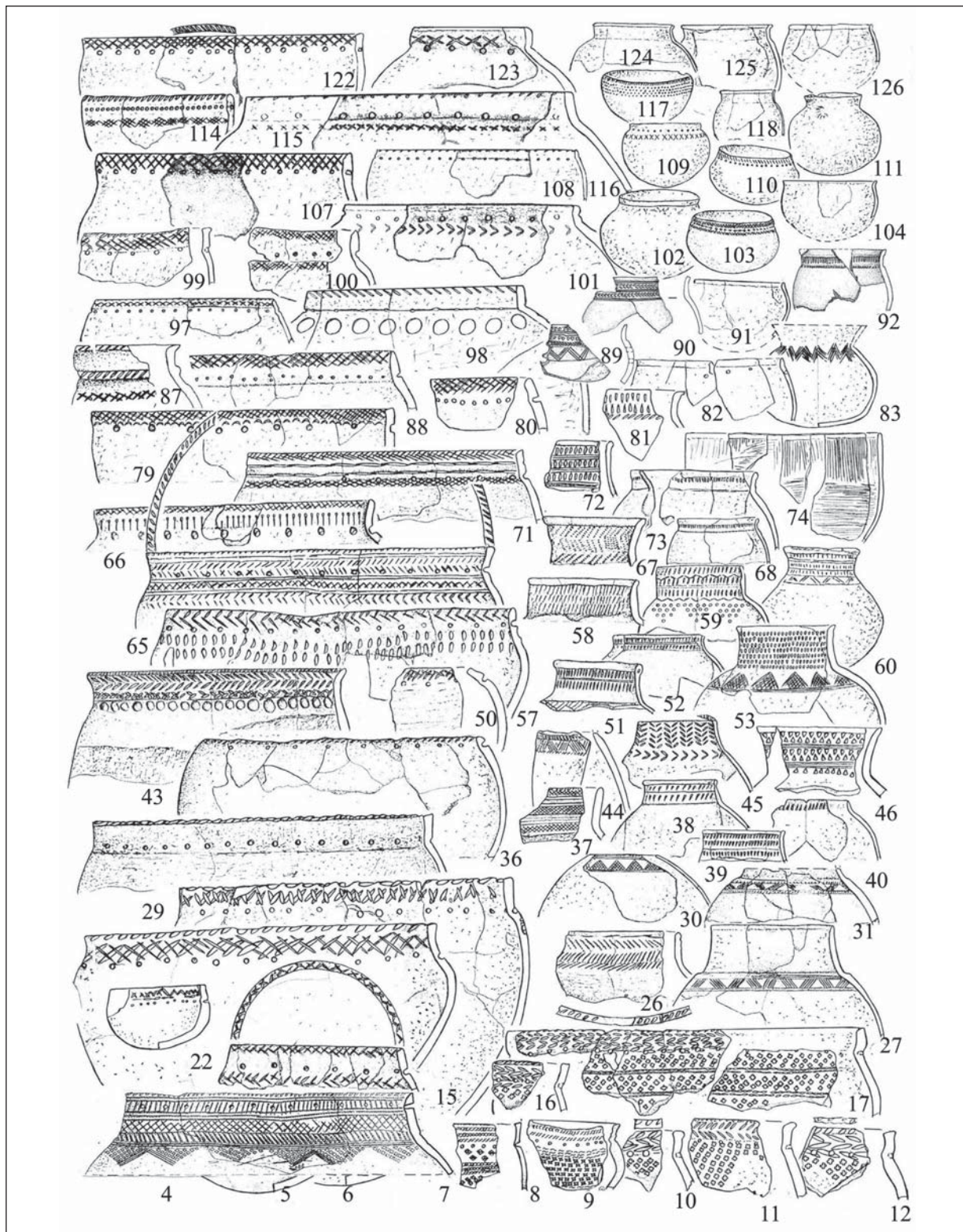

Рис. 21. Бакальский историко-культурный горизонт (IV–VII [VIII] вв.) I. (по КОРЯКОВА–МОРОЗОВ–СУХАНОВА 1988; БОРЗУНОВ 1993; ЧИКУНОВА 2005; МАТВЕЕВА 2007; МАТВЕЕВА–РАФИКОВА–БЕРЛИНА 2007; КАЙДАЛОВ–СЕЧКО 2008; БОТАЛОВ ET AL. 2008; ЗАХ 2009)

21. kép. A bakalszkaja történelmi-kulturális horizont (4–7. [8] század) jellemző leletei I. (KORJAKOVA–MOROZOV–SZUHANOVA 1988; BORZUNOV 1993; CSIKUNOVA 2005; MATVEJEVA 2007; MATVEJEVA–RAFIKOVA–BERLINA 2007; KAJDALOV–SZECSCO 2008; BOTALOV ET AL. 2008; ZAH 2009 nyomán)

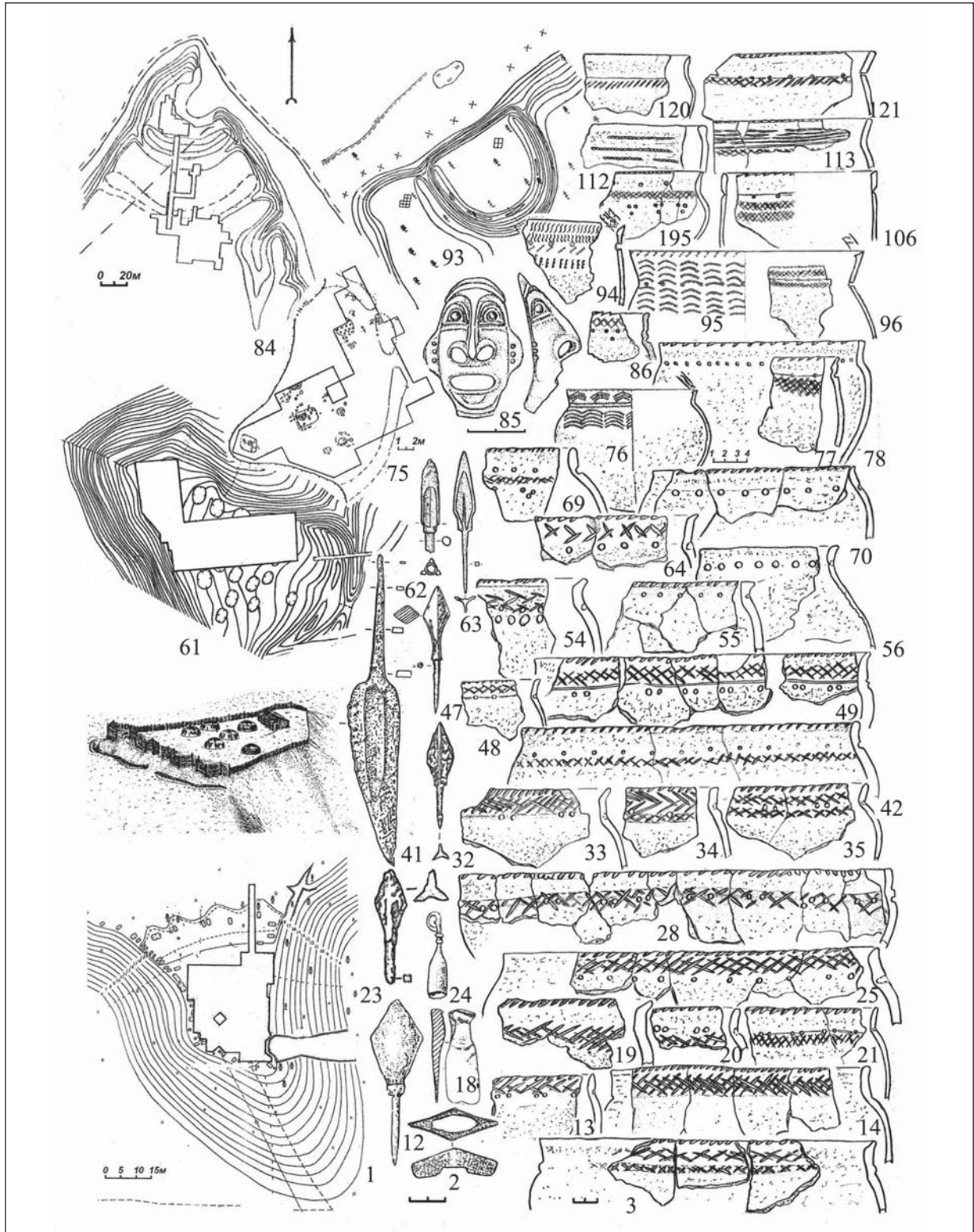

Рис. 22. Бакальский историко-культурный горизонт (IV–VII [VIII] вв.) II. (по КОРЯКОВА–МОРОЗОВ–СУХАНОВА 1988; БОРЗУНОВ 1993; ЧИКУНОВА 2005; МАТВЕЕВА 2007; МАТВЕЕВА–РАФИКОВА–БЕРЛИНА 2007; КАЙДАЛОВ–СЕЧКО 2008; БОТАЛОВ ET AL. 2008; ЗАХ 2009)

22. kép. A bakalszkaja történelmi-kulturális horizont (4–7. [8] század) jellemző leletei II. (KORJAKOVA–MOROZOV–SZUHANOVA 1988; BORZUNOV 1993; CSIKUNOVA 2005; MATVEJEVA 2007; MATVEJEVA–RAFIKOVA–BERLINA 2007; KAJDALOV–SZECSCO 2008; BOTALOV ET AL. 2008; ZAH 2009 nyomán)

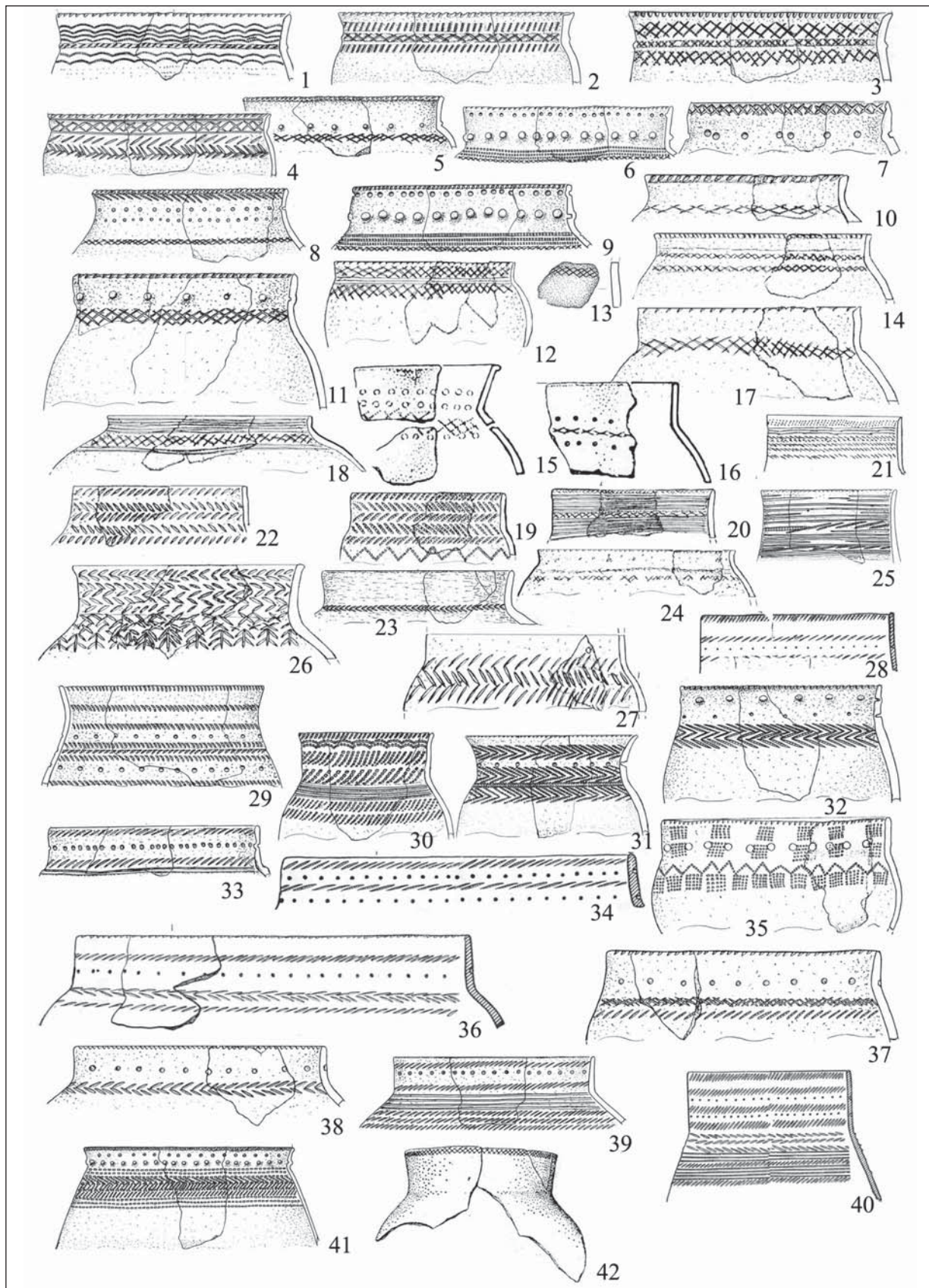

Рис. 23. Поселенческая керамика из Приуралья с зауральскими орнаментальными мотивами
 23. kép. Az Urál nyugati előteréből származó telepkerámia urálintúli díszítőelemekkel

Рис. 23. 1–4: Городище Имендяшевское; 5–9, 21, 25, 28–34, 36, 41: Городище Старо-Калмашское; 10, 12–14, 17–20, 22–24, 26, 27, 35: Городище Уфа II; 15, 17, 42: Селище Кушнаренковское; 1, 3, 6–8, 11, 14, 15, 23: Кушнаренковский тип; 2, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 16–18, 20, 21, 25–31: Караякуповский и смешанный тип; 19, 22, 24: Караякуповский тип с постбакальскими чертами

23. kép. 1–4: Imengyasevszkoje gorogyiscse; 5–9, 21, 25, 28–34, 36, 41: Sztarokalmasszkoje gorogyiscse; 10, 12–14, 17–20, 22–24, 26, 27, 35: Ufa II. gorogyiscse; 15, 17, 42: Kusnarenkovo; 1, 3, 6–8, 11, 14, 15, 23: Kusnarenkovói típus; 2, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 16–18, 20, 21, 25–31: Karajakupovói és kevert típusok; 19, 22, 24: Karajakupovói típus posztbakalszkajai jegyekkel

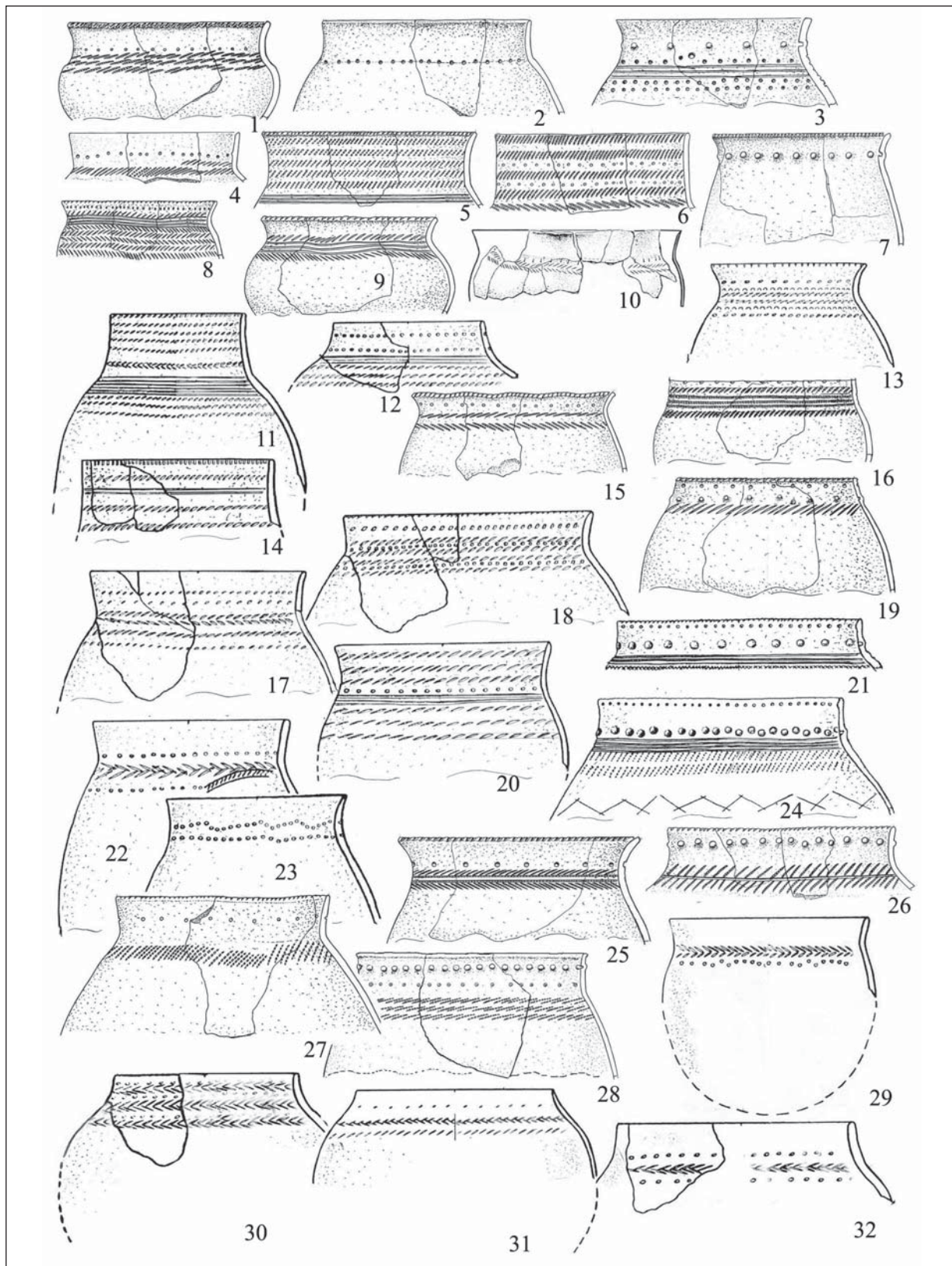

Рис. 24. Поселенческая керамика караякуповского облика. 1–9, 15, 16, 21, 24, 26, 27, 28: Городище Старо-Калмашское; 10: Селище Кушнаренковское; 11, 12–14, 17, 18, 20, 22, 23, 29–32: Городище Таттыковское
 24. kép. Karajakupovói típusú telepkerámia. 1–9, 15, 16, 21, 24, 26, 27, 28: Sztaro-Kalmasszkoje gorogyiscse; 10: Kusnarenkovo; 11, 12–14, 17, 18, 20, 22, 23, 29–32: Taptikovszkoje gorogyiscse

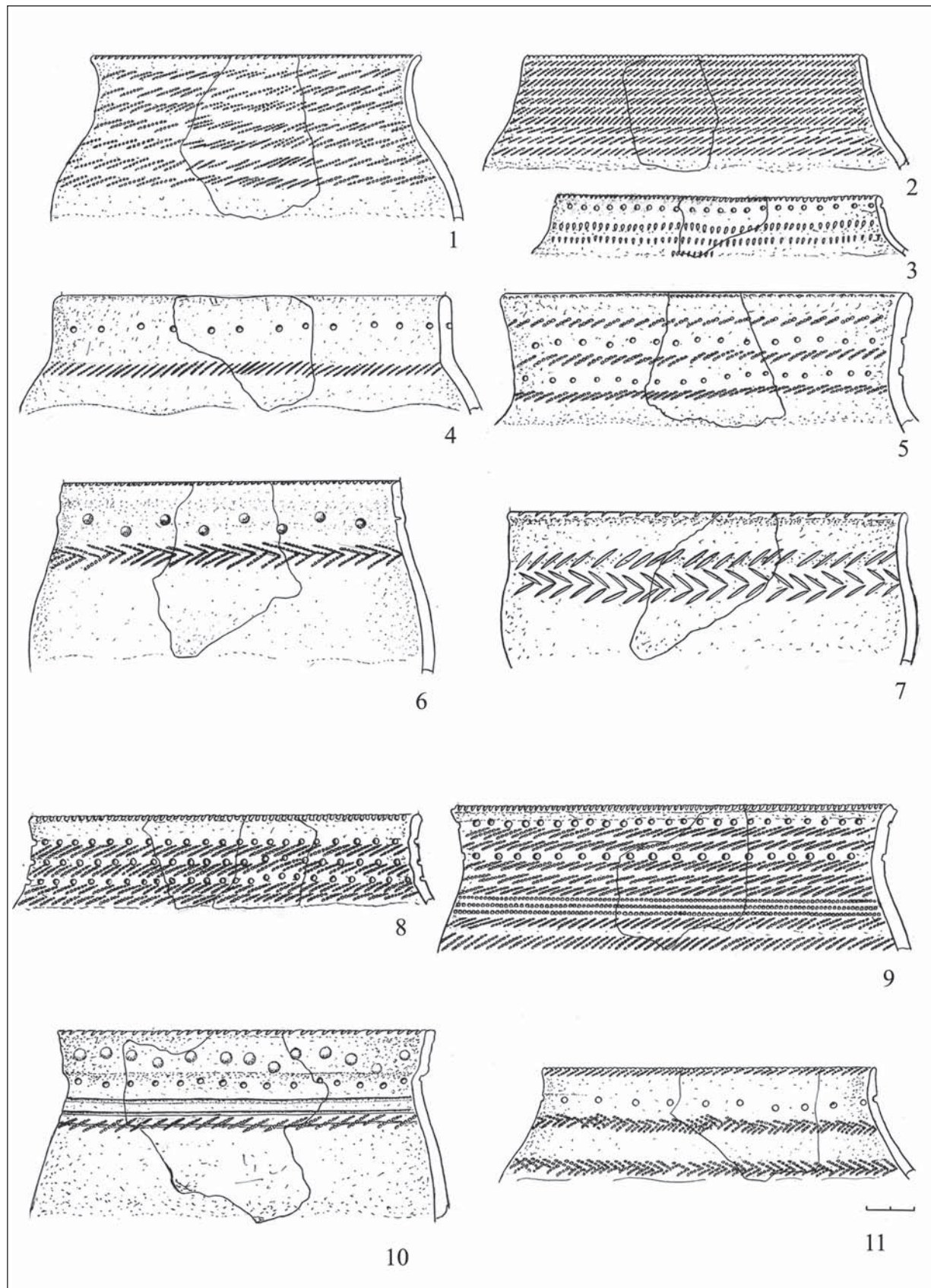

Рис. 25. Керамика городища Караякупово
 25. kép. Kerámialeletek a karajakupovoi gorogyiscse anyagából

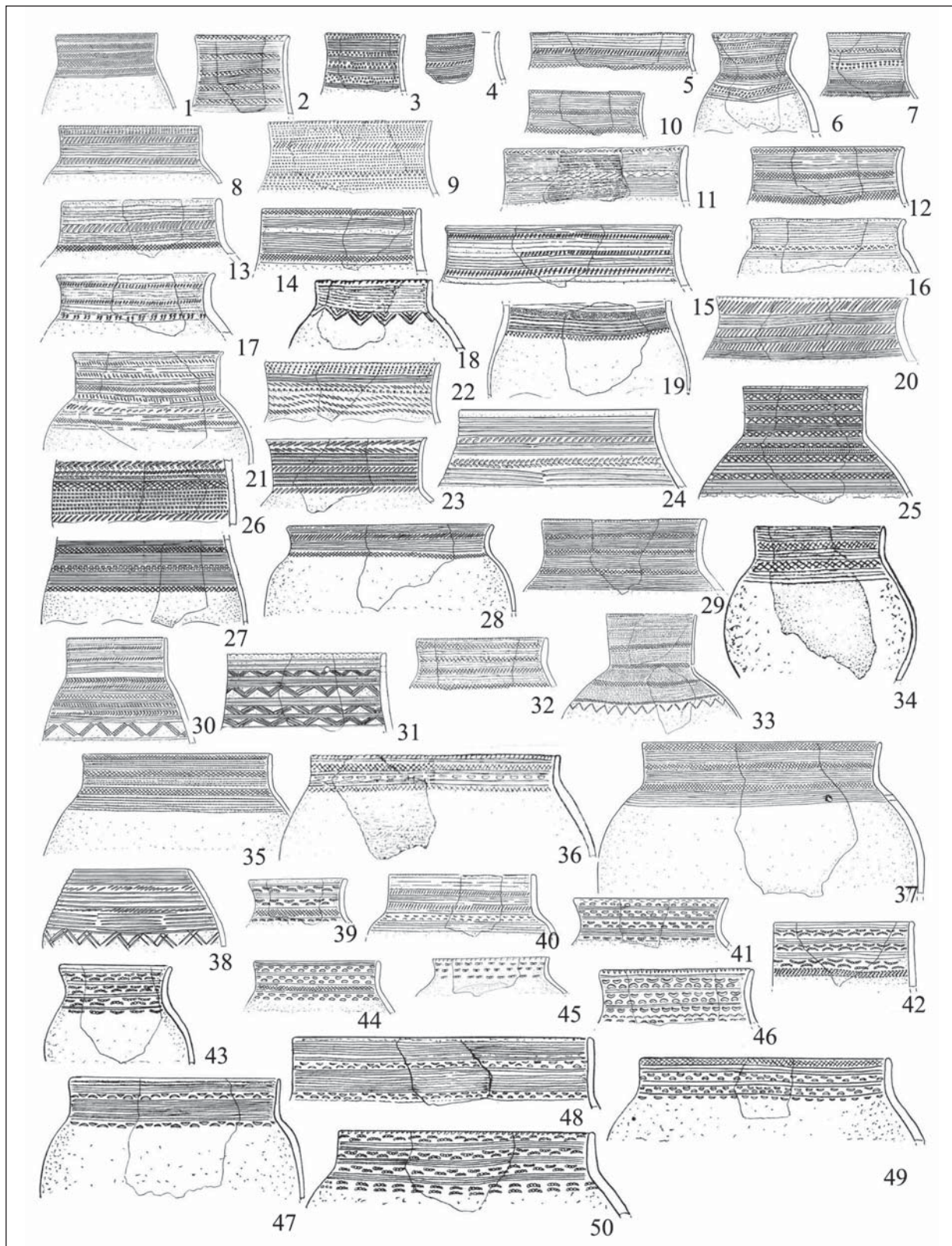

Рис. 26. Поселенческая керамика кушнареновского облика. 1, 8, 35: Поселение Ново-турбаслиново; 2-7, 9-10, 28, 29, 32, 36, 37, 39-50: Городище Уфа II; 21, 33: Селище Кушнареновское; 22-27, 30, 31, 38: Городище Старо-Калмашское

26. kép. Kusunarenkovói típusú telepkerámia. 1, 8, 35: Novoturbaszlinovoi telep; 2-7, 9-10, 28, 29, 32, 36, 37, 39-50: Ufa II gorogyiscse; 21, 33: Kusunarenkovoi telep; 22-27, 30, 31, 38: Sztaro-Kalmasszkoje gorogyiscse

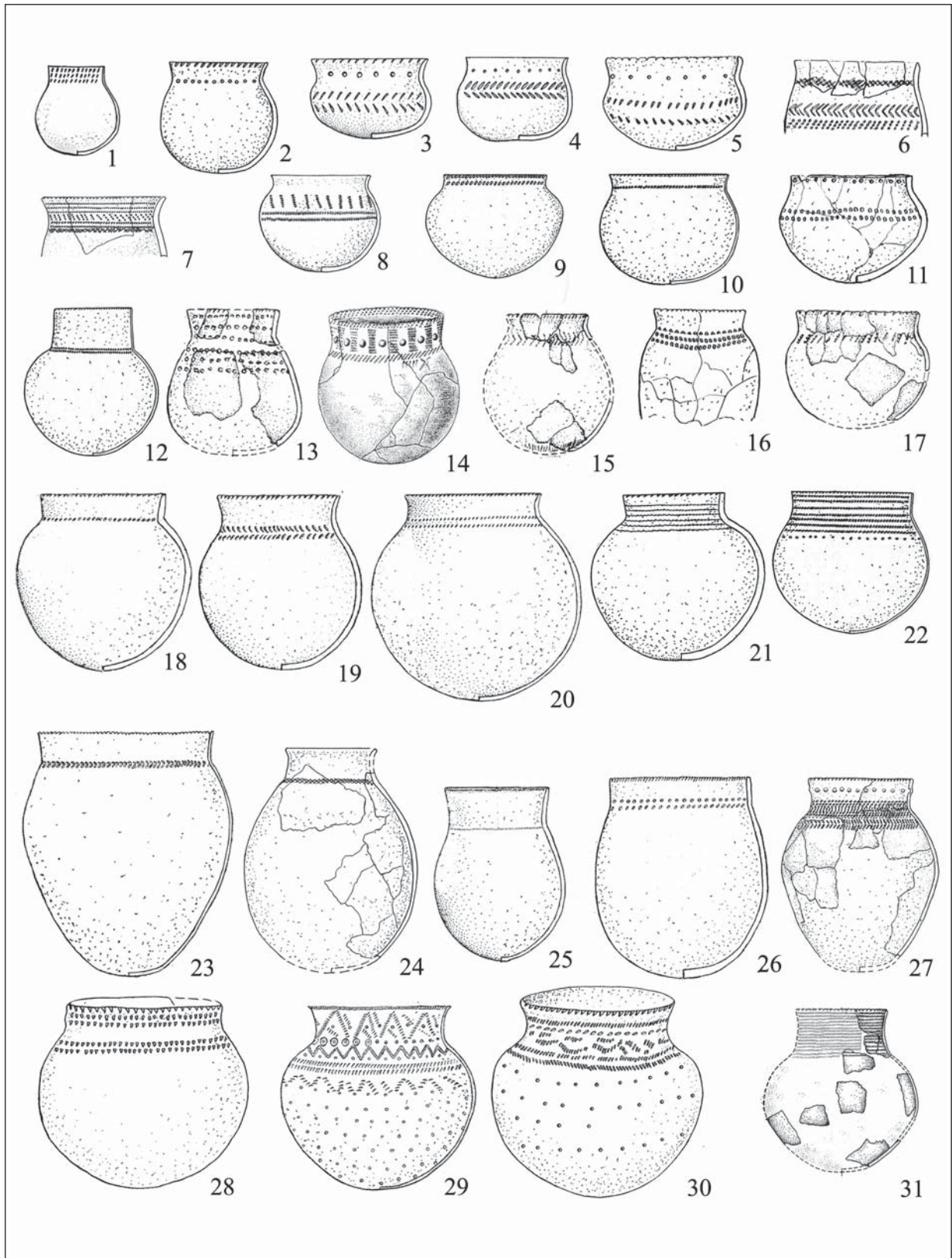

Рис. 27. Керамика зауральского облика из погребальных комплексов Приуралья (раннее караякупово). 1–5, 6–12, 21–23, 26, 28–30: Могильник Бирский; 6, 7, 13–20, 24, 25, 27, 31: Могильник Манякский
 27. kép. Urálon túli stílusjegyeket hordozó kerámialeletek az Urál nyugati előteréből származó temetkezésekből (korai karajakupovói fázis). 1–5, 6–12, 21–23, 26, 28–30: Birszk; 6, 7, 13–20, 24, 25, 27, 31: Manyak

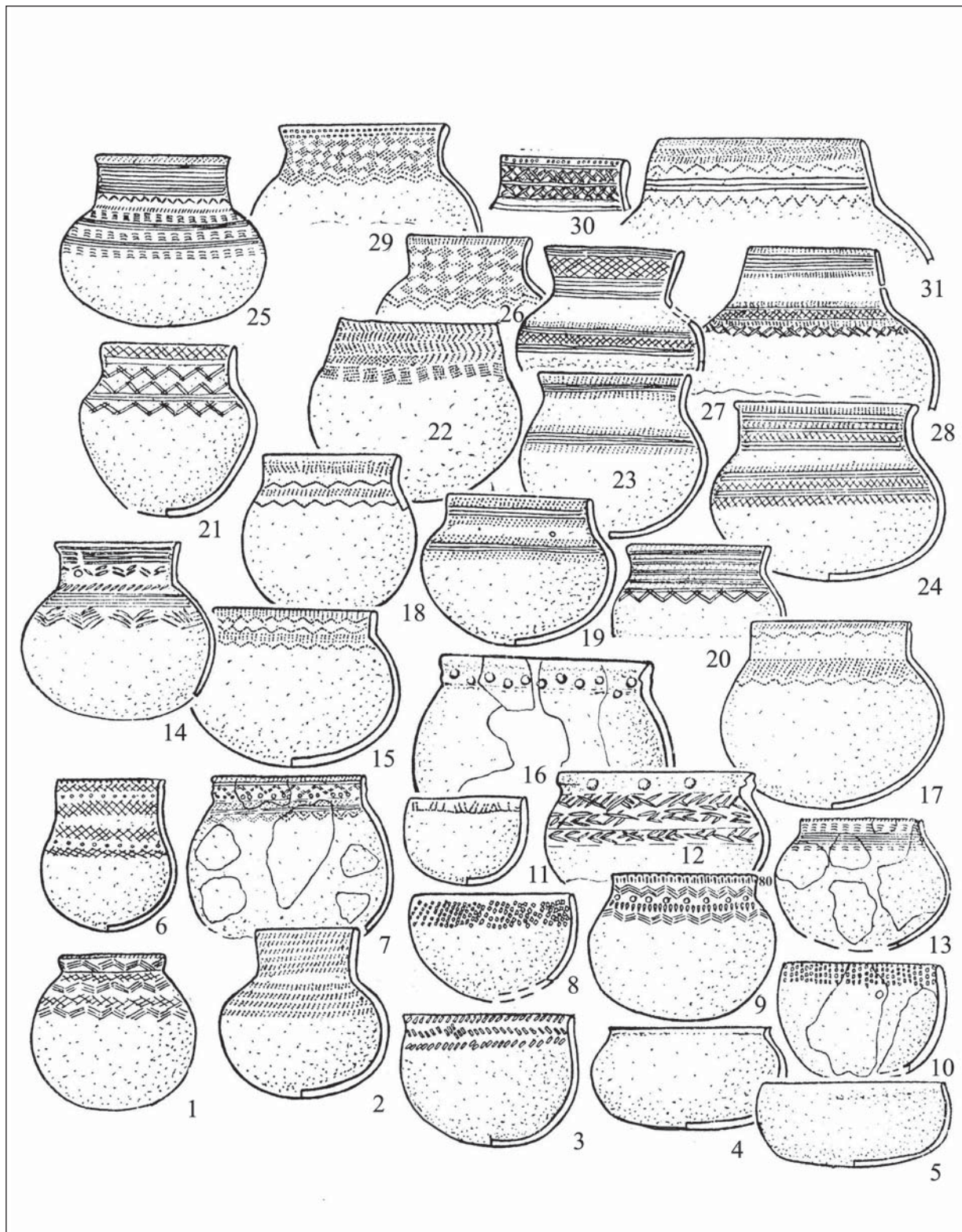

Рис. 28. Могильник Граултры, керамический комплекс (конец VIII–IX вв.). 1, 6, 12: Караякуповский тип с постбакальскими чертами; 2–5, 7–11, 15–18, 22, 23, 26, 29, 31: Караякуповский тип; 13, 14, 19–21, 24, 25, 27, 28, 30: Кушнаренковский тип

28. kép. 1–31: Graultri temető, kerámialeletek (8. század. vége–9. század). 1, 6, 12: Karajakupovói típusú kerámia posztbakalszkajai jegyekkel; 2–5, 7–11, 15–18, 22, 23, 26, 29, 31: Karajakupovói típus; 13, 14, 19–21, 24, 25, 27, 28, 30: Kusnarenkovói típus

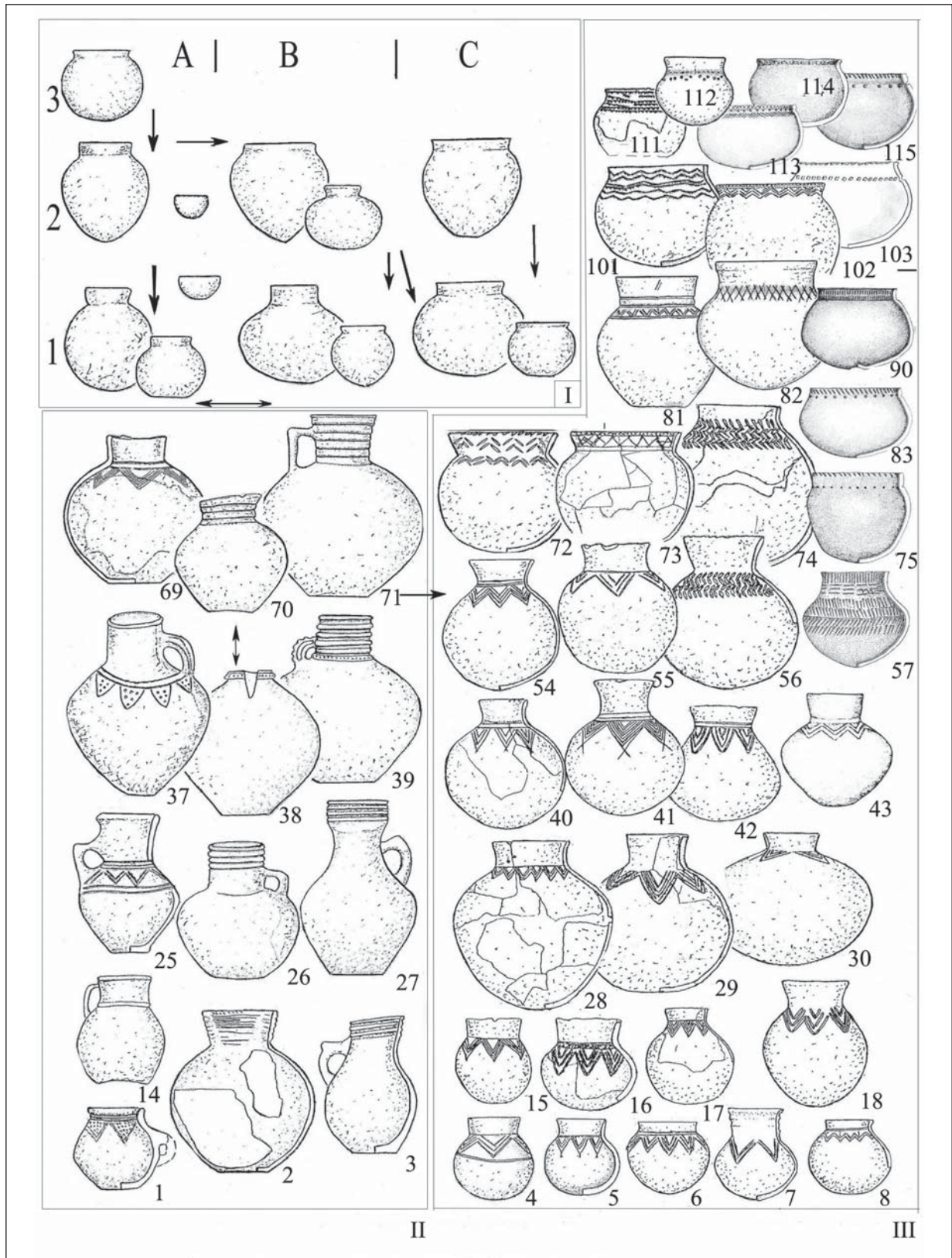

Рис. 29. Керамика из погребальных и поселенческих комплексов Зауралья и Западной Сибири I тысячелетия н.э. Формирование кушнаренковско-караякуповского типов I.

29. kép. Urálintúli és nyugat-szibériai sír- és telepkerámia az I. évezredből. A kusnarenkovói-karajakupovói kerámiatípusok kialakulása I.

Рис. 29. I: Схема развития основных форм керамики саргатской культуры (по КОРЯКОВА 1982).
 А: Иртыш; В: Ишим, С: Tobol. 1: Ранняя хронологическая группа; 2: Средняя хронологическая группа;
 3: Поздняя хронологическая группа; II: Гунно–сарматская группа урало-казахстанских степей; III:
 Позднесаргатская (прыговская) группа западного Зауралья; IV: Протокушнаренокская группа Зауралья
 и Западной Сибири; V: Протокараякуповская группа Зауралья и Западной Сибири. 1, 25, 27: Больше Кара-
 ганский; 2: Новоникольское; 3: Восточно-Курайминский I; 4, 30: Гаевский; 5, 7, 8, 14, 16–18, 28, 40, 42, 54,
 56, 74, 101, 111: Абатский 3; 6, 15, 29, 41: Абатский 1; 43, 83, 103, 114: Устюг 1; 26, 38, 39: Малково;
 37: Лебедевский; 40: Коловское городище; 83: Усть-Утяк 1; 31, 75, 83, 90, 113, 115: Козловский могильник;
 55: Сопинский могильник; 71: Карасье; 72, 73: Прыговское городище; 81, 82, 102, 112: Павлиново городище
 29. kép. I: A szargatszka kultúra kerámiajának fejlődési vázlata (KORJAKOVA 1982 nyomán). A: Irtis, B: Isim,
 C: Tobol, 1: Korai időrendi csoport; 2: Középső időrendi csoport; 3: Kései időrendi csoport; II: Hun–szarmata
 csoport az uráli-kazahsztáni sztyeppen; III: Kései szargatszka (prigovszka) csoport az Urálon túl nyugati
 részéről; IV: Protokusnarenkovói csoport az Urálon túl és Nyugat-Szibériában; V: Protokarajakupovói
 csoport az Urálon túl és Nyugat-Szibériában. 1, 25, 27: Bolse-Karaganszkij; 2: Novonyikolszkoje;
 3: Vosztocsno-Kurajminszkij I; 4, 30: Gajevka; 5, 7, 8, 14, 16–18, 28, 40, 42, 54, 56, 74, 101, 111: Abatszk 3;
 6, 15, 29, 41: Abatszk I; 43, 83, 103, 114: Usztjug 1; 26, 38, 39: Malkovo; 37: Lebegyevszkij; 40: Kolovszkoje
 gorogyiscse; 83: Uszty-Utyak 1; 31, 75, 83, 90, 113, 115: Kozlovskij temető; 55: Szopinszkij temető; 71: Karaszje;
 72, 73: Prigovszkoje gorogyiscse; 81, 82, 102, 112: Pavlinovo gorogyiscse

Рис. 30. IV: Протокушнаренокская группа Зауралья и Западной Сибири; V: Протокараякуповская группа
 Зауралья и Западной Сибири; 10, 11, 20–22, 95: Переиминский; 9, 19, 44, 58: Устюг 1; 12, 13, 23, 24, 32, 33,
 34–36, 85: Логиновское городище; 47, 48, 51, 52, 93, 98, 116, 118: Коловское городище; 46, 53, 84, 91, 96, 99,
 100, 104–106, 117: Усть-Утяк 1; 49, 50, 63–65, 66–68, 77, 78, 108, 109, 110, 119–124: Больше Бакальское
 городище; 79, 80, 86–89, 94–97: Козловский могильник

30. kép. IV: Protokusnarenkovói csoport Nyugat-Szibériában és az Uráltól keletre; V: Protokarajakupovói
 csoport Nyugat-Szibériában és az Uráltól keletre; 10, 11, 20–22, 95: Perejminszkij; 9, 19, 44, 58: Usztjug
 1; 12, 13, 23, 24, 32, 33, 34–36, 85: Loginovszkoje gorogyiscse; 47, 48, 51, 52, 93, 98, 116, 118: Kolovszkoje
 gorogyiscse; 46, 53, 84, 91, 96, 99, 100, 104–106, 117: Uszty-Utyak 1; 49, 50, 63–65, 66–68, 77, 78, 108, 109, 110,
 119–124: Bolse Bakalszkoje gorogyiscse; 79, 80, 86–89, 94–97: Kozlovi temető

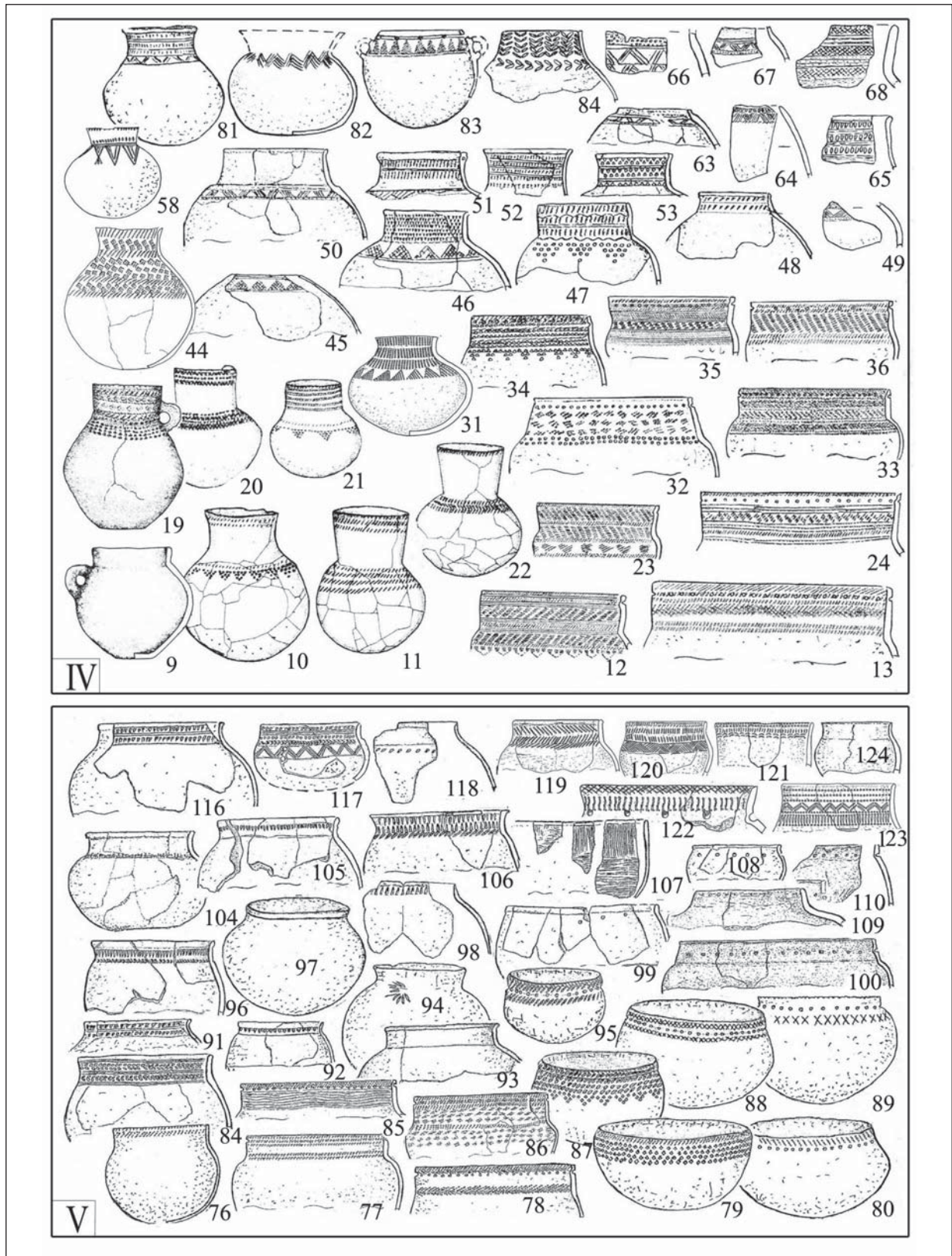

Рис. 30. Керамика из погребальных и поселенческих комплексов Зауралья и Западной Сибири I тысячелетия н.э. Формирование кузнаренковско- караякуповского типов II.

30. kép. Uráöntúli és nyugat-szibériai sír- és telepkerámia az 1. évezredből. A kuznarenkovói-karajakupovói típus kialakulása II.

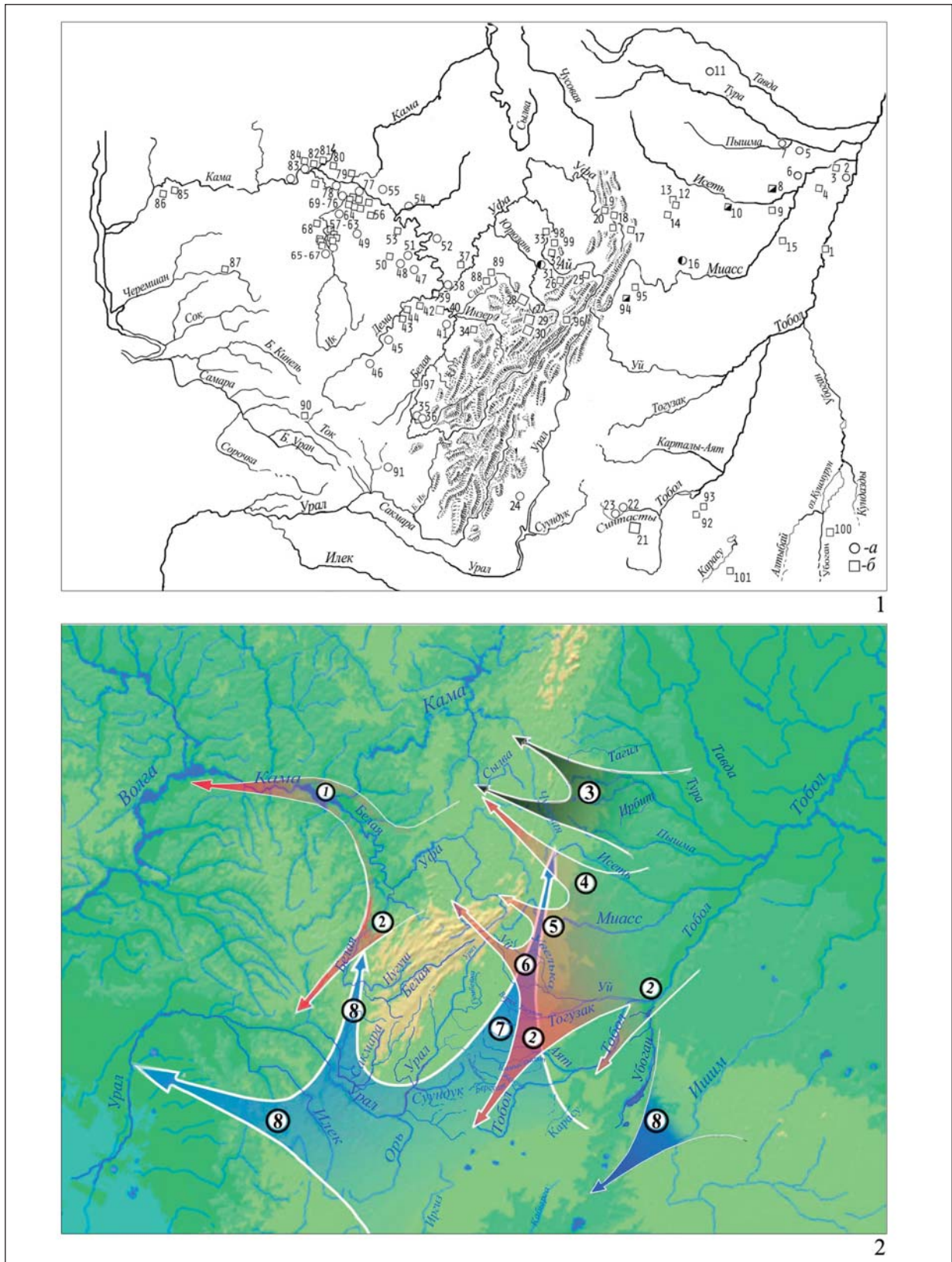

Рис. 31. 1: Карта распространения материалов протомадьярского и раннеугорского облика IV–VIII вв.; 2: Этнокультурные перемещения в южном Зауралье в V–VIII вв.

31. kép. 1: Protomagyar és korai ugor jellegű tárgyak elterjedési térképe (4–8. század); 2: Etnokulturális mozgások az Urálon túl déli részén az 5–8. században

Рис. 31. 1: а: Ранние кушнареновско-караякуповские могильники и отдельные погребения; б: Городища, селища, местонахождение материалов IV–VIII вв. (неволинский, бакальский, кушнареновский, караякуповский, раннепетрогромский, батырский, имендяшевский, карымский); 2: Этнокультурные перемещения в южном Зауралье в V–VIII вв. 1: Переселение протокушнареновско-караякуповского населения в Приуралье; 2: Продвижение раннекушнареновско-караякуповского населения в степи Южного Урала и Северного Казахстана в VII–VIII вв.; 3: Переселение зауральского населения носителей гребенчато-шнуровой керамики (батырский, раннепетрогромский) в V–VIII веках в Предуралье; 4: Продвижение населения бакальского историко-культурного горизонта (постсаргатское, бакальское, праневолинское) в IV–VI веках вдоль долины р. Уфа на р. Сылва; 5: Продвижение населения бакальского историко-культурного горизонта (кушнареновское, караякуповское, имендяшевское, бахмутинское [тип 2], неволинское) в IV–VII веках вдоль долины реки Ай; 6: Продвижение населения бакальского историко-культурного горизонта (бакальское, кушнареновское, караякуповское, бахмутинское [тип 2]) в IV–VII веках вдоль долин рек Сим и Юрюзань; 7: Продвижение раннетюркского (протоболгарского «оногур») населения V–VII вв. (носителей курганов с «усами», памятников селенташского типа и сетчатой керамики) в Приуральской и Зауральской лесостепи; 8: продвижение болгарского (оногурского) населения на запад VI–VII вв. (по ГЕНИНГ 1972; КАЗАКОВ 1982; ГАРУСТОВИЧ–ИВАНОВ 1982; БИСЕМБАЕВ 2010; КАЗАКОВ 2004; БОТАЛОВ–БАБЕНКОВ 2004; ПАСТУШЕНКО 2004; ВИКТОРОВА 2008; МАТВЕЕВА–ОРЛОВА–РАФИКОВА 2009)

31. kép. 1: а: Korai kusnarenkovói-karajakupovói temetők és magányos sírok; б: Telepek, települések, 4–8. század (nyevolinói, bakalszkajai, kusnarenkovói, karajakupovói, korai petrogromszkajai, batirszkajai, imengyasevói, karimszki lelőhelyek); 2: Etnokulturális mozgások az Urálon túl déli részén az 5–8. században;

1: A protokusnarenkovói-protokarajakupovói népesség mozgása az Urál nyugati oldalára; 2: A korai kusnarenkovói és korai karajakupovói népesség mozgása a 7–8. században a dél-uráli sztyeppre és Észak-Kazahsztánba; 3: Az urálon túli népesség (a fésűs-zsinórdíszes kerámia hordozói) mozgása (batirszkajai, korai petrogromszkajai leletanyag) az 5–8. században az Urál nyugati előterében; 4: A bakalszkaja horizont népességének mozgása a 4–6. században az Ufa folyó mentén a Szilva folyóhoz (poszt-szargatszkajai, bakalszkoje, korai nyevolinói leletek); 5: A bakalszkaja történeti-kulturális térség népességének mozgása a 4–7. században az Aj folyó mentén (kusnarenkovói, karajakupovói, imengyasevói, bahmutyinói [2. típus], nyevolinói leletek); 6: A bakalszkaja horizont népességének mozgása a 4–7. században a Szim és Jurjuzany folyók mentén (bakalszkajai, kusnarenkovói, karajakupovói, bahmutyinói [2. típus] leletek); 7: A korai türk (protobolgár „onogur”) népmozgás az 5–7. században az Urál nyugati részén és urálon túli erdős sztyeppén (a „bajszos” kurgánok és a szelentasi-típusú leletek, valamint a „hálódíszes” kerámia hordozói); 8: bolgár (onogur) népmozgás nyugatra a 6–7. században (GENYING 1972; KAZAKOV 1982; GARUSZTOVICS–IVANOV 1982; BISZEMBAJEV 2010; KAZAKOV 2004; BOTALOV–BABENKOV 2004; PASZTUSENKO 2004; VIKTOROVA 2008; MATVEJEVA–ORLOVA–RAFIKOVA 2009 nyomán)

Рис. 32. 1, 3, 13, 19: Акаваз I; 2: Стерлитамак; 23: Сикияз Тамак; 7, 16–18, 24: Чебаркуль IV; 8, 14, 15: Кадыровское; 12, 25: Абдулино; 29, 30, 31, 36–38, 45–47: Мезягутово III (по ШОРИН 1992; СУНГАТОВ 2001; ЮРИН 1998; ЮРИН 1999; ЮРИН 2000; ЮРИН 2002; ЮРИН 2003; ГАРУСТОВИЧ–САВЕЛЬЕВ 2004)

32. kép. 1, 3, 13, 19: Akavaz I; 2: Szyterlitamak; 23: Szikijaz Tamak; 7, 16–18, 24: Csebarkul IV; 8, 14, 15: Kadırovo; 12, 25: Abdulino; 29, 30, 31, 36–38, 45–47: Meszjagutovo III (SORIN 1992; SZUNGATOV 2001; JURIN 1998; JURIN 1999; JURIN 2000; JURIN 2002; JURIN 2003; GARUSZTOVICS–SZAVELJEV 2004 nyomán)

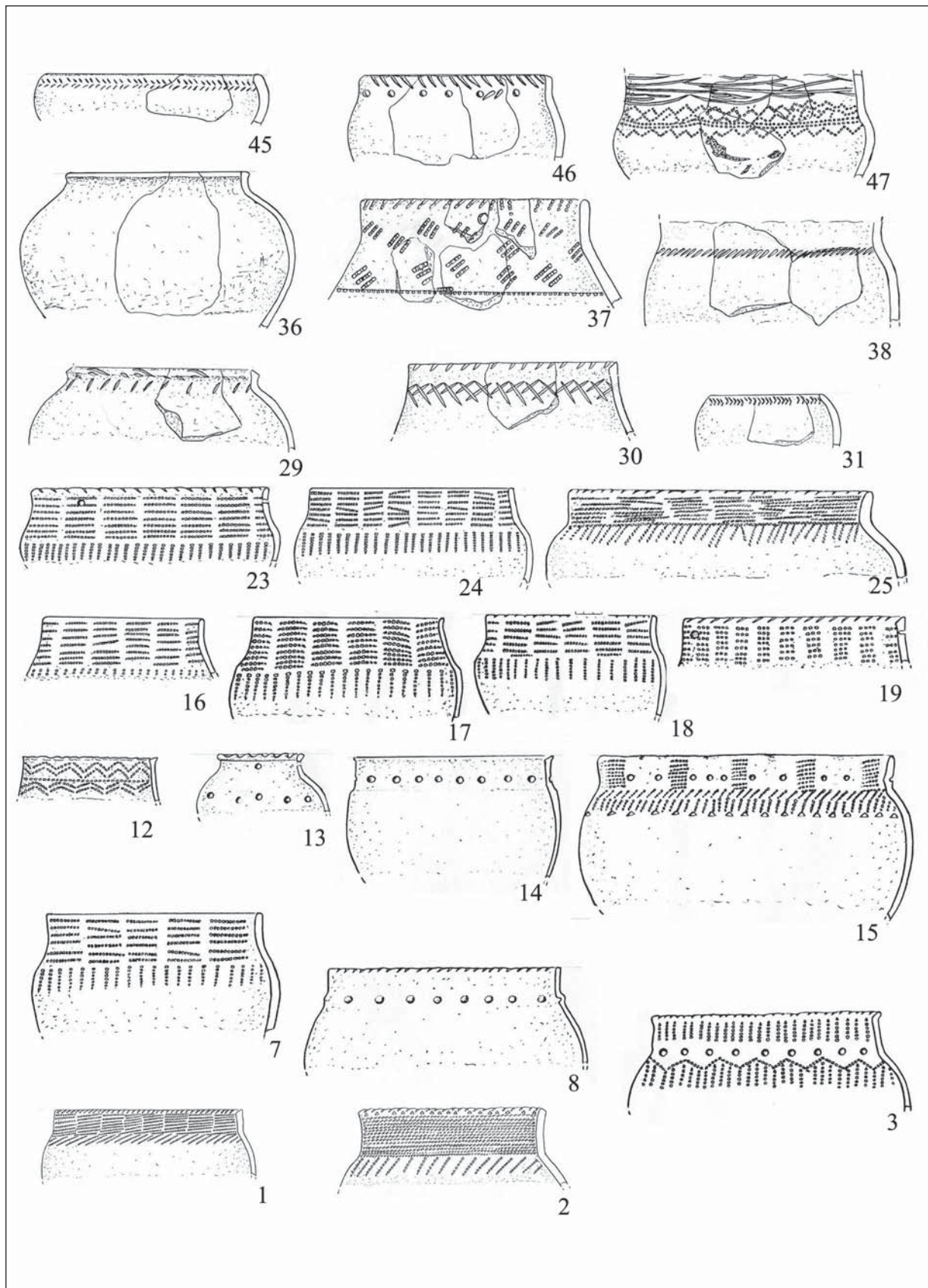

Рис. 32. Керамика из памятников горнолесных и прилегающих лесостепных районов Южного Урала I.
 32. kép. Kerámia a Dél-Urál erdős és erdős sztyeppei részéről I.

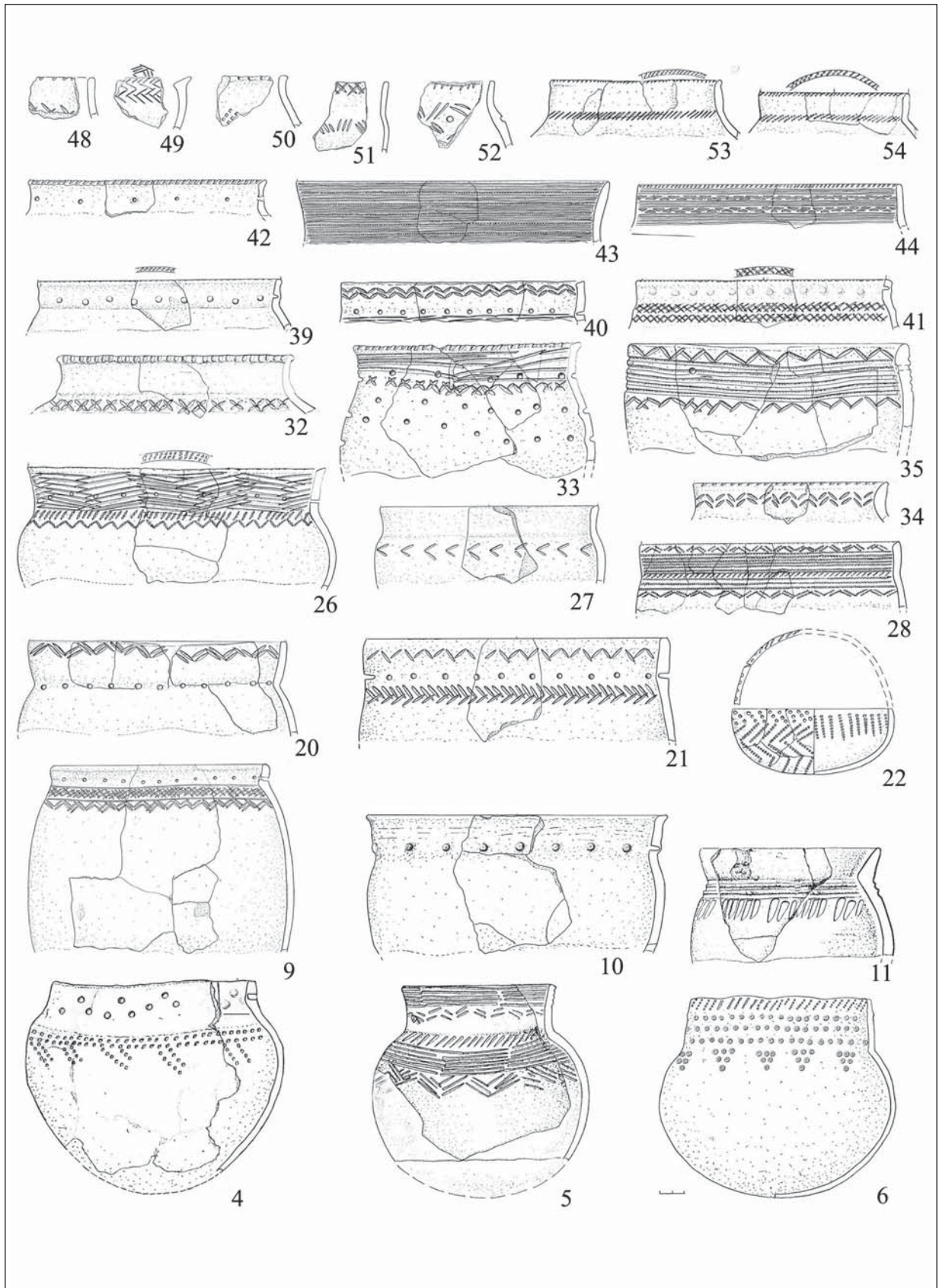

Рис. 33. Керамика из памятников горнолесных и прилегающих лесостепных районов Южного Урала II.
 33. kép. Kerámia a Dél-Urál erdős és erdős sztyeppei részéről II.

Рис. 33. 1–5, 11, 20–22, 27, 28, 39–41, 53, 54: Сикияз Тамак; 6: Путаная; 9, 34: грот у Малого Омута; 10: Кочкари II; 26, 42: Атинский пещерный комплекс; 32: Сабакай; 33, 35: Бурановская; 43, 44: Калиновская; 48, 49: Игнатиевская пещера; 50–52: Араслановская пещера, писаница (по ШОРИН 1992; СУНГАТОВ 2001; ЮРИН 1998; ЮРИН 1999; ЮРИН 2000; ЮРИН 2002; ЮРИН 2003; ГАРУСТОВИЧ–САВЕЛЬЕВ 2004)

33. kép. 1–5, 11, 20–22; 27, 28, 39–41, 53, 54: Szikijaz Tamak; 6: Putanaja; 9, 34: Malovo Omuta barlang; 10: Kocskari II; 26, 42: Atyinszki barlangegyüttes; 32: Szabakaj; 33, 35: Buranovszkaja; 43, 44: Kalinovszkaja; 48, 49: Ignatyijevszki barlang; 50–52: Araszlanovszki barlang, sziklarajz (SORIN 1992; SZUNGATOV 2001; JURIN 1998; JURIN 1999; JURIN 2000; JURIN 2002; JURIN 2003; GARUSZTOVICS–SZAVELJEV 2004 nyomán)

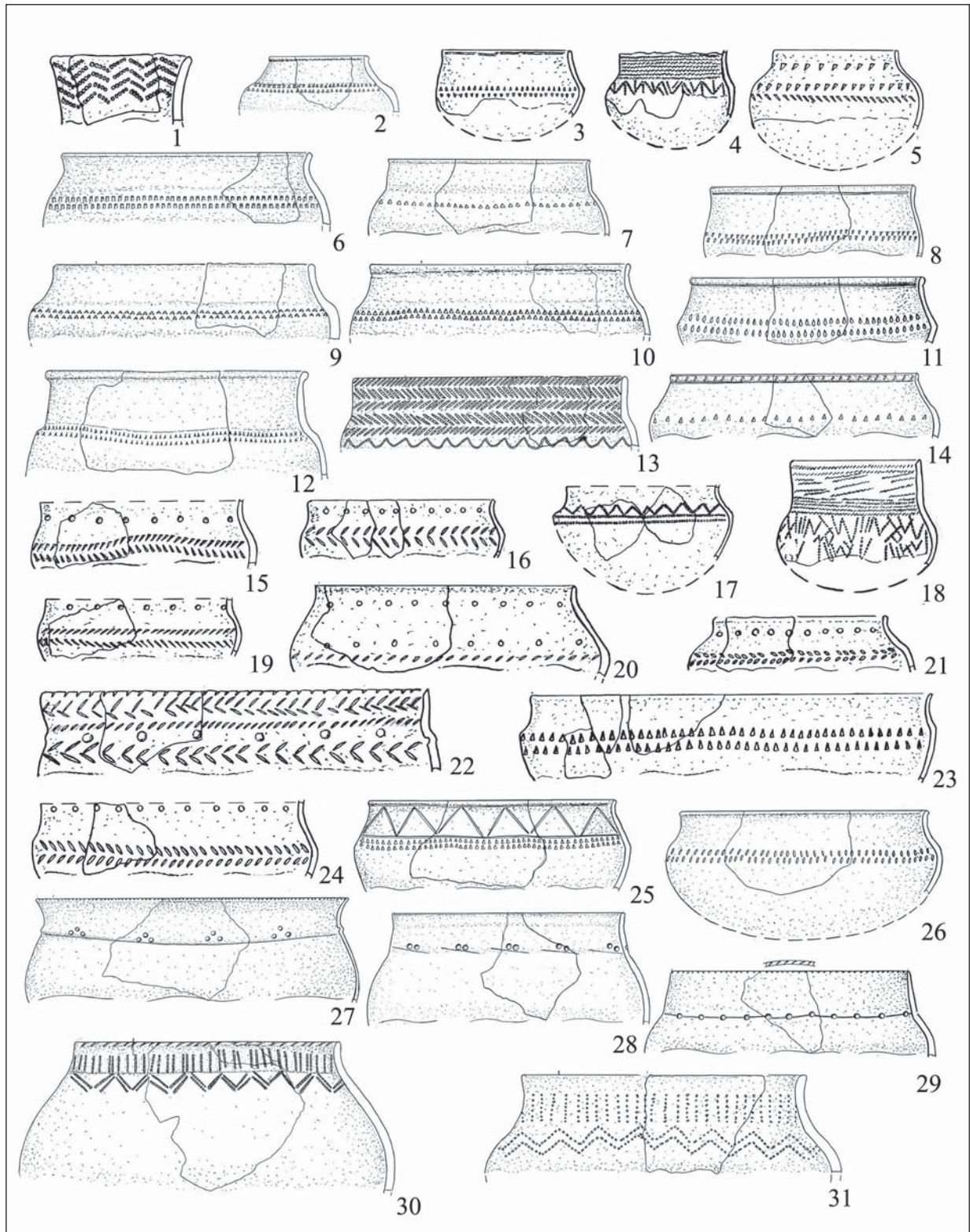

Рис. 34. Керамика имендяшевского и неволинского типов из Башкирского Предуралья. 1, 3–5, 15–24, 30, 31: Бажикаево; 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 29: городище Уфа II; 8, 11, 14, 25–28: городище Имендяшево (по МАТВЕЕВА 1964; МАЖИТОВ ET AL. 2007; МАЖИТОВ ET AL. 2009; МАЖИТОВ ET AL. 2009А; МАЖИТОВ ET AL. 2011)

34. kép: 1, 3–5, 15–24, 30, 31: Bázsikajevo; 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 29: Ufa II gorogyiscse; 8, 11, 14, 25–28: Imengyasevoi gorogyiscse (МАТВЕЈЕВА 1964; МАЖИТОВ ET AL. 2007; МАЖИТОВ ET AL. 2009; МАЖИТОВ ET AL. 2009А; МАЖИТОВ ET AL. 2011 nyomán)

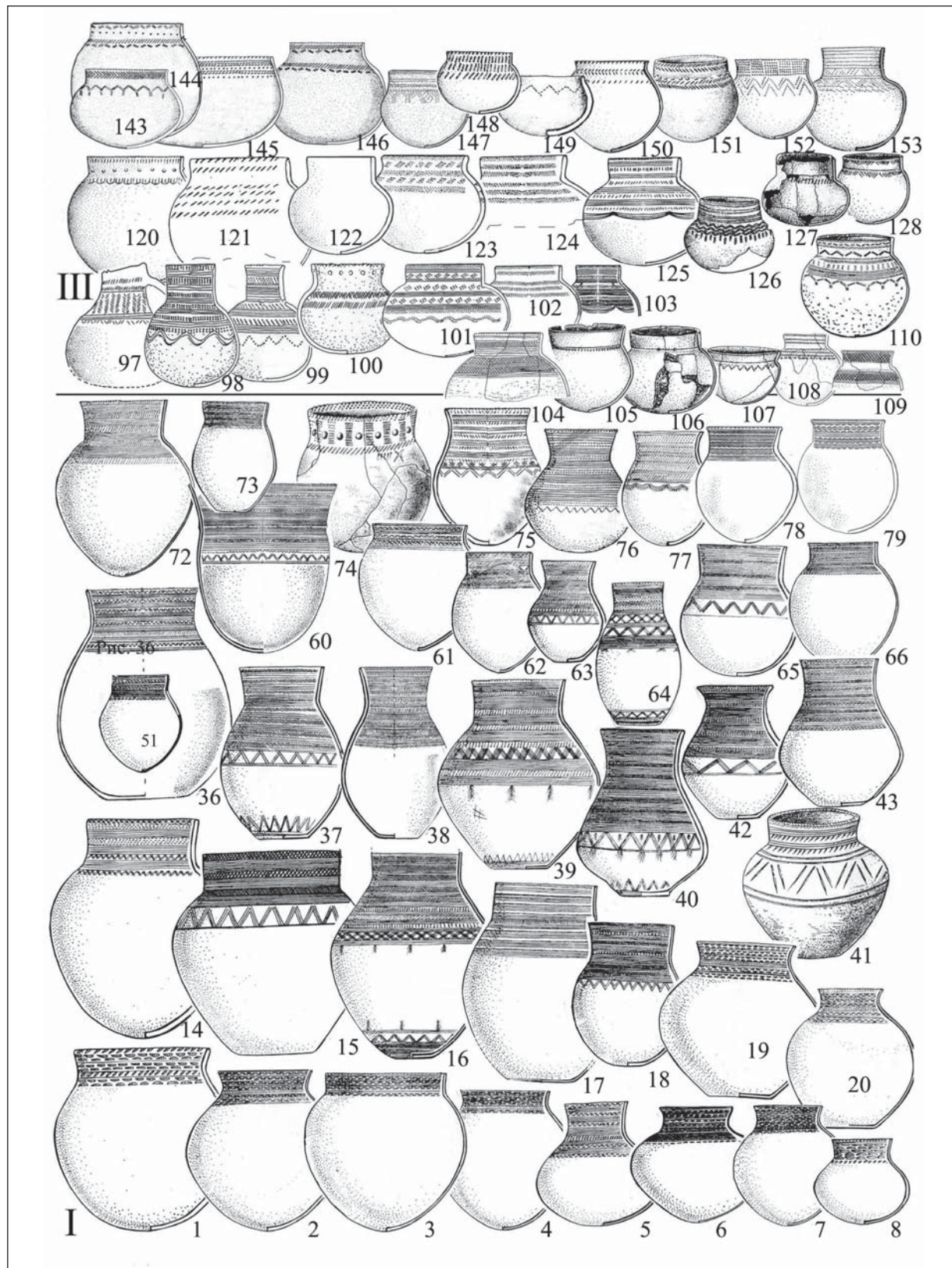

Рис. 35. Территориальное распределение керамики кушнарэнковско-караякуповского круга в Приуралье, Зауралье и горно-лесных зонах I. I: Хронологическая группа IV–VIII вв.; III: Хронологическая группа X в.
 35. kép. A kusnarenkovo-karajakupovói kerámia elterjedése az Urálban, az Urálotúl és a hegyi-erdős zónában I. I: 4–8. századi kronológiai csoport; III: 10. századi kronológiai csoport

Рис. 35. 1–2, 4, 6–8, 19, 20, 51, 61: Могильник Бирский; 3, 77: Могильник Старо-Янгизитовский; 5, 16, 17, 37, 39, 40, 42, 63, 65, 66, 72, 74, 76, 77: Могильник Манякский; 15: Ново-Турбаслинский могильник; 120, 121: Граултры могильник; 72: Лагеревские курганы; 36–38: Такталачукский могильник; 17–18: Ново-Бикинский курган; 41: Уфимское погребение; 60, 75: Иманлей; 43: Сынтыштамакский курган; 68, 82, 84, 88, 95, 117: Хусаиновские курганы; 56, 71, 87, 96, 119: Бекешевские курганы; 62, 73: Булгарский курган; 97–100: Танкеевский могильник; 101–103, 121–125: Большие Туганский; 104: Ишимбаевские курганы; 105–107, 110, 127, 128: Старо-Халиловский; 108–109: Стерлитамакский могильник; 120, 126, 143–153: Каранаевские курганы; 78: II Береговский; 79: II Красногорский

35. kép. 1–2, 4, 6–8, 19, 20, 51, 61: Birszki temető; 3, 77: Sztaro-Jangizitovszkij temető; 5, 16, 17, 37, 39, 40, 42, 63, 65, 66, 72, 74, 76, 77: Manyaki temető; 15: Novo-Turbaszlinszkojei temető; 120, 121: Graultri temető; 72: Lagerevoi kurgánok; 36–38: Taktalacsuki temető; 17–18: Novo-Bikinszki kurgán; 41: Ufai sírok; 60, 75: Imanleji kurgán; 43: Szintistamaki kurgán; 68, 82, 84, 88, 95, 117: Huszainovoi kurgánok; 56, 71, 87, 96, 119: Bekesevoi kurgánok; 62, 73: Bulgari kurgán; 97–100: Tankejevkaí temető; 101–103, 121–125: Bolsije Tyigani temető; 104: Isimbaji kurgánok; 105–107, 110, 127, 128: Sztaro-Halilovo temető; 108–109: Sztjerlitamaki temető; 120, 126, 143–153: Karanajevoi kurgánok; 78: Beregovo II; 79: Krasznogorszki II

Рис. 36. 52: Могильник Манякский; 9: Байрамгулово курган; 10, 33–35: Веселовка стоянка; 11: Каинсай курган с «усами»; Селенташ курган с «усами»; 21: Берсуат поселения; 23: Аргази, случайная находка; 24–26, 31, 32, 46, 49–50, 53, 54, 57–59, 80, 81, 83, 85, 94, 114–116: Граултры могильник; 27–30, 44, 47, 52, 89, 90: Лагеревские курганы; 45, 59, 67, 69, 86, 91, 92, 93, 118: II Бекешевские курганы; 54: Наровчатские курганы; 129–142, 154, 156, 157, 160–163: Уелги могильник; 155, 156, 158: Усть-Терсюк могильник

36. kép. 52: Manyak temető; 9: Bajramgulovoi kurgán; 10, 33–35: Veszélovka telep; 11: Kajinsza és Szelentasi „bajszos” kurgán; 21: Berszuat telep; 23: Argazi, szórvány; 24–26, 31, 32, 46, 49–50, 53, 54, 57–59, 80, 81, 83, 85, 94, 114–116: Graultri temető; 27–30, 44, 47, 52, 89, 90: Lagerevoi kurgánok; 45, 59, 67, 69, 86, 91, 92, 93, 118: Bekesevo II kurgánok; 54: Narovcsatkai kurgánok; 129–142, 154, 156, 157, 160–163: Ujelgi temető; 155, 156, 158: Uszty-Tyerszjuk temető

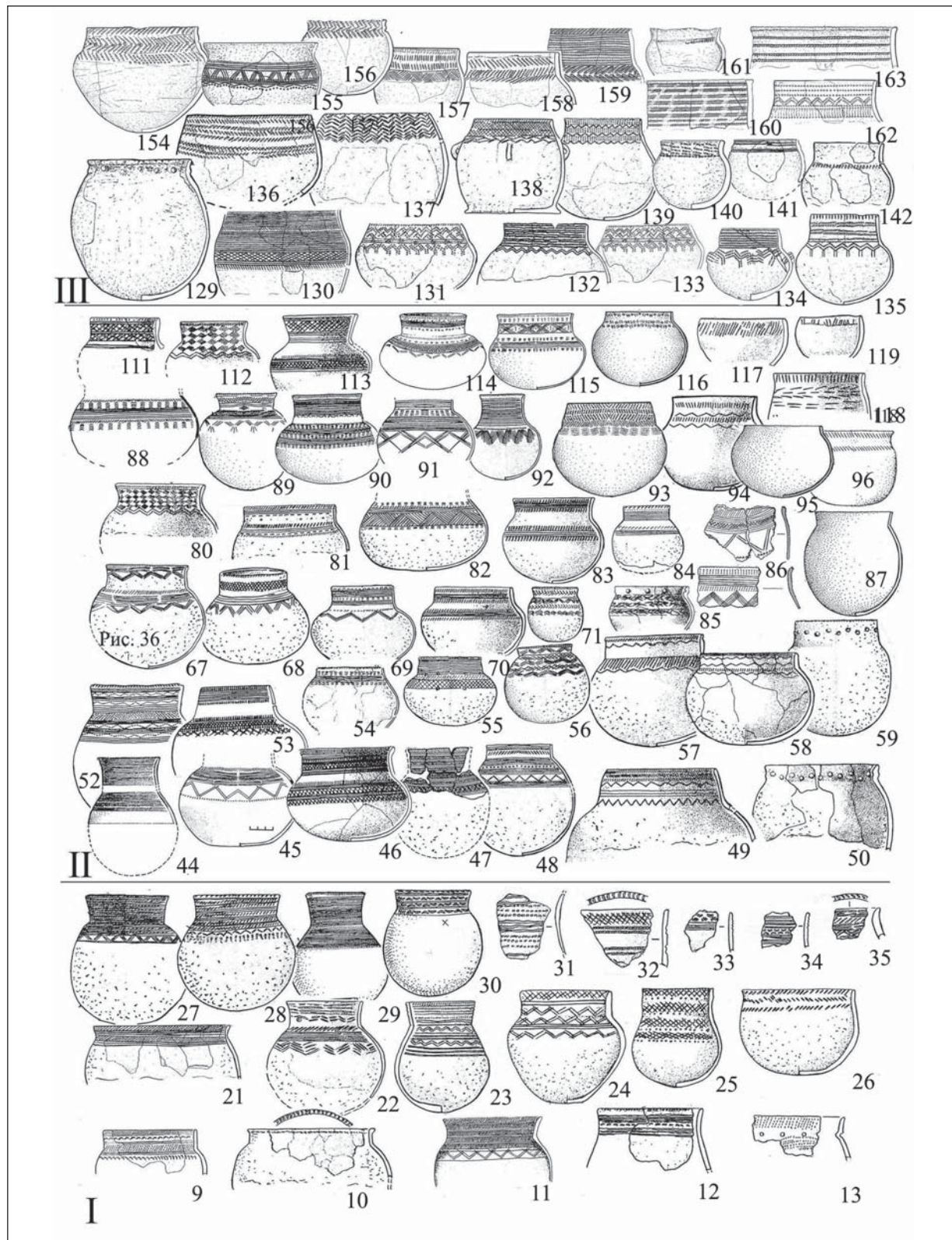

Рис. 36. Территориальное распределение керамики кушнаренокво-караякуповского круга в Приуралье, Зауралье и горно-лесных зонах II. I: Хронологическая группа IV–VIII вв.; II: Хронологическая группа IX в.; III: Хронологическая группа X в.

36. kép. A kusnarenkovo-karajakupovói kerámia elterjedése az Urálban, az Urálon túlon és a hegyi-erdős zónában II. I: 4–8. századi kronológiai csoport; II: 9. századi kronológiai csoport; III: 10. századi kronológiai csoport

Рис. 37. 1: Карта распространения материалов протомадьярского и раннеугорского облика. а: Кушнареновско-караякуповские, петрогромско-юдинские могильники IX–X вв.; б: Кушнареновско-караякуповские, петрогромско-юдинские городища, селища, святилища и местонахождения IX–XI вв.; 2: Этнокультурные перемещения на Южном Урале в IX–XI вв. 1: Переселение лесного петрогромско-юдинского населения (протоманси); 2: Отток населения западно-тюркского (кушнареновско-караякуповского) населения из казахстанских степей на Южный Урал; 3: Отток населения западно-тюркского (кушнареновско-караякуповского) населения на нижнюю Каму; 4: Переселение мадьяр из урало-казахстанских степей на запад; 5: Приход кыпчакского (сросткинского) населения из Алтая в Южное Зауралье; 6: Приход кыпчакского (сросткинского) населения из Алтая в Сары-Арку (по ГЕНИНГ 1972; КАЗАКОВ 1982; ГАРУСТОВИЧ–ИВАНОВ 1982; БИСЕМБАЕВ 2010; КАЗАКОВ 2004; БОТАЛОВ–БАБЕНКОВ 2004; ПАСТУШЕНКО 2004; ВИКТОРОВА 2008; МАТВЕЕВА–ОРЛОВА–РАФИКОВА 2009)

37. kép. 1: Protomagyar és korai ugor jellegű leletek elterjedése. а: Kusnarenkovó-karajakupovói és petrogromszk-jugyini temetők a 9–10. században; б: Kusnarenkovó-karajakupovói, petrogromszk-jugyini erődtített telepek, telepek, szentélyek és lelőhelyek a 9–11. században; 2: Etnokulturális mozgások a Dél-Urálban a 9–11. században. 1: A petrogromszko-jugyini népesség (protomanysi) mozgása az erdős zónában; 2: A nyugati türk (kusnarenkovói-karajakupovói) népesség mozgása a kazah sztyeppekről a Dél-Urál térségébe; 3: A nyugati türk (kusnarenkovói-karajakupovói) népesség mozgása a Káma folyó alsó folyásához; 4: A magyar népesség áttelepülése az urál-kazahsztáni sztyepről nyugatra; 5: Kipcsak (szrosztkinszkajai) népesség áttelepülése az Altajból az Urálon túl déli részére; 6: Kipcsak (szrosztkinszkajai) népesség áttelepülése az Altajból Szari-Arkba (GENYING 1972; KAZAKOV 1982; GARUSZTOVICS–IVANOV 1982; BISZEMBAJEV 2010; KAZAKOV 2004; BOTALOV–BABENKOV 2004; PASZTUSENKO 2004; VIKTOROVA 2008; MATVEJEVA–ORLOVA–RAFIKOVA 2009 nyomán)

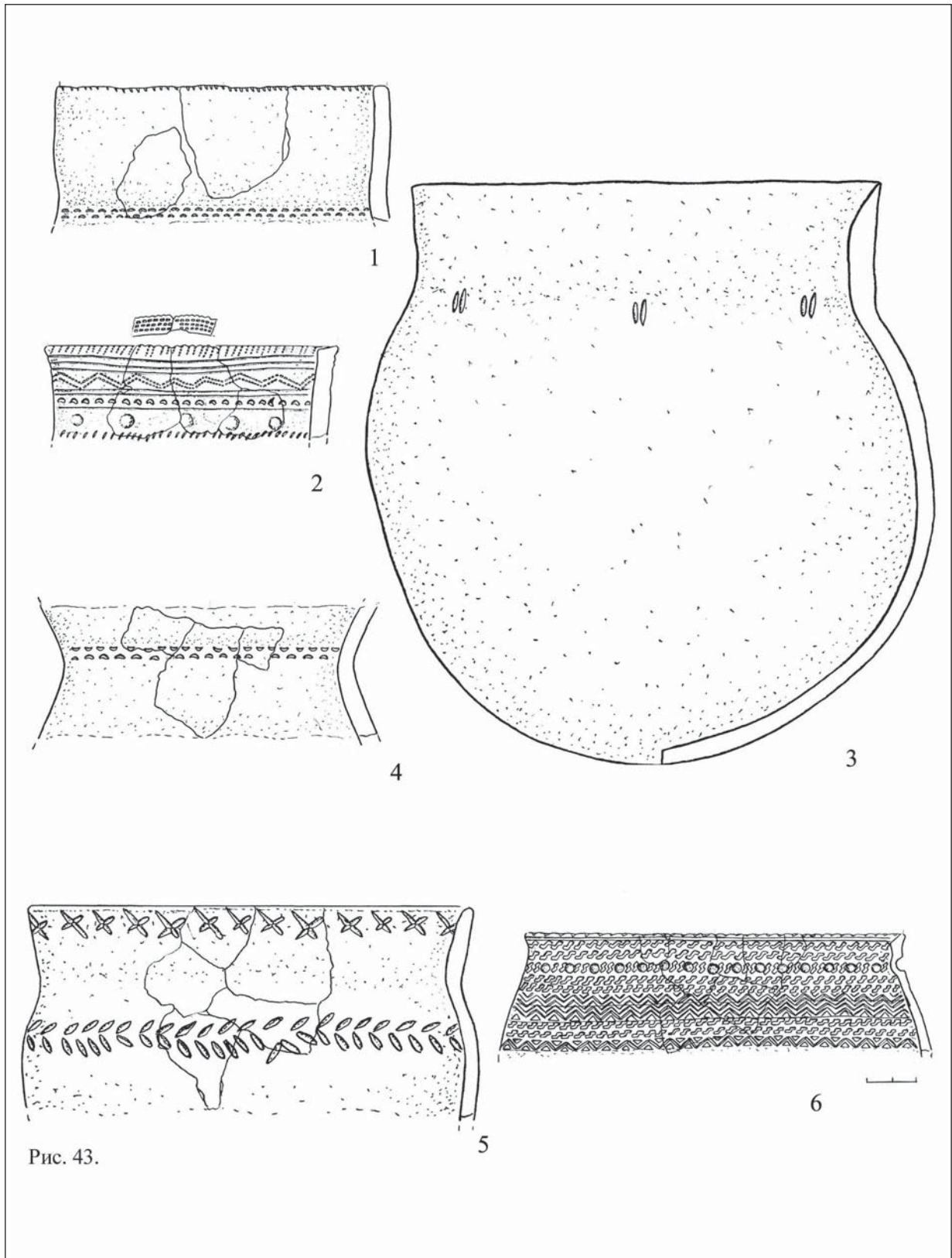

Рис. 43.

Рис. 38. Керамика карымского, бакальского и протокушнаренковского облика из степных памятников Северного Казахстана. 1, 2, 4: Стоянка Артасор I; 3: Стоянка Целинная I; 5, 6: стоянка Карасор 3

38. kép. A karimszki, bakali és protokusnarenkovói típusú kerámia az észak-kazahsztáni sztyeppről.
1, 2, 4: Artaszov I; 3: Celinnaja I; 5, 6: Karaszor 3

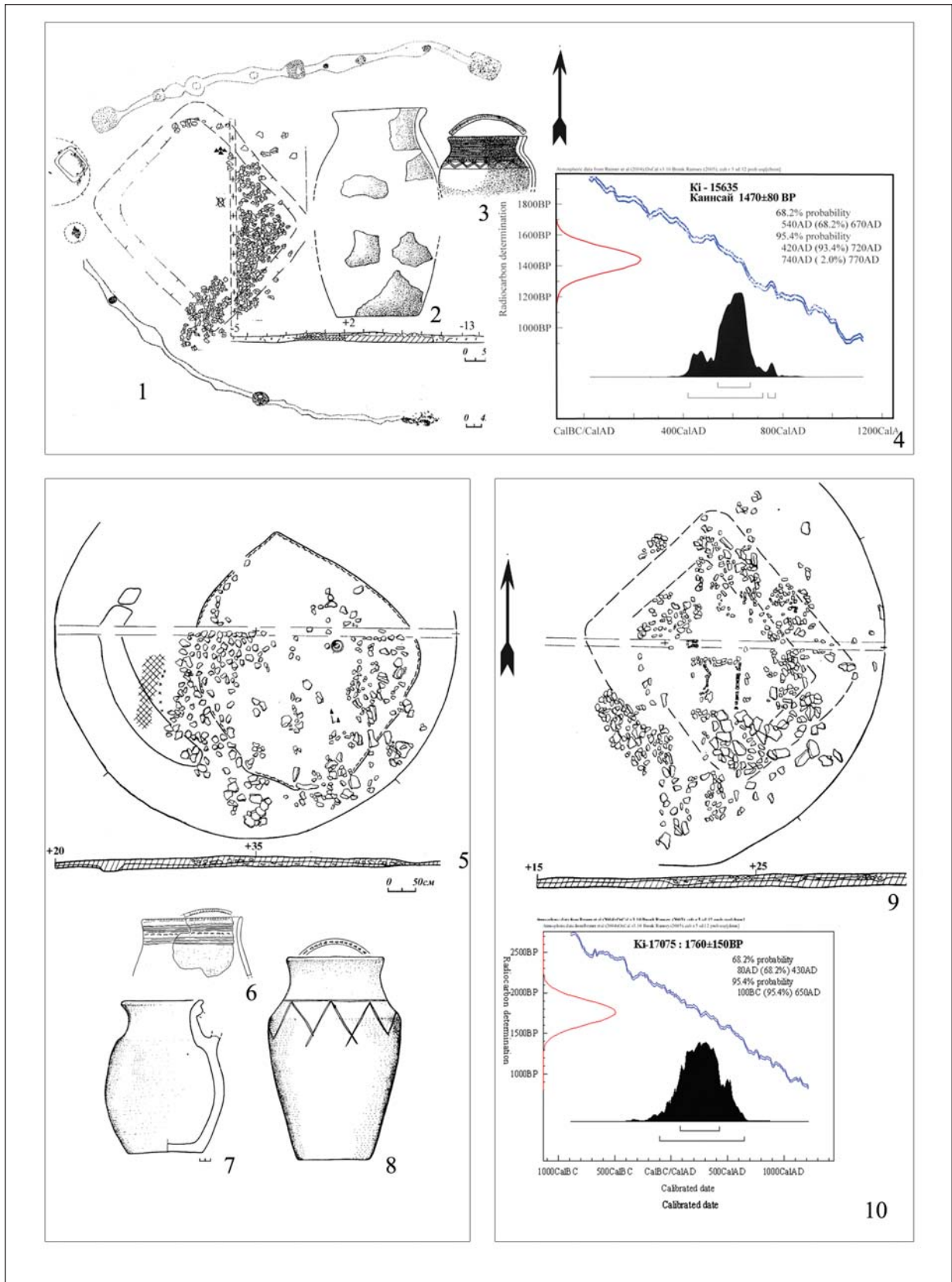

Рис. 39. 1–4: Могильник Кайнсай, курган 14; 5–8: Могильник Селенташ, курганы 4; 9–10: Могильник Селенташ, курганы 5

39. kép. 1–4: Kajinszaj temető 14. kurgán; 5–8: Szelentas temető 4. kurgán; 9–10: Szelentas temető 5. kurgán

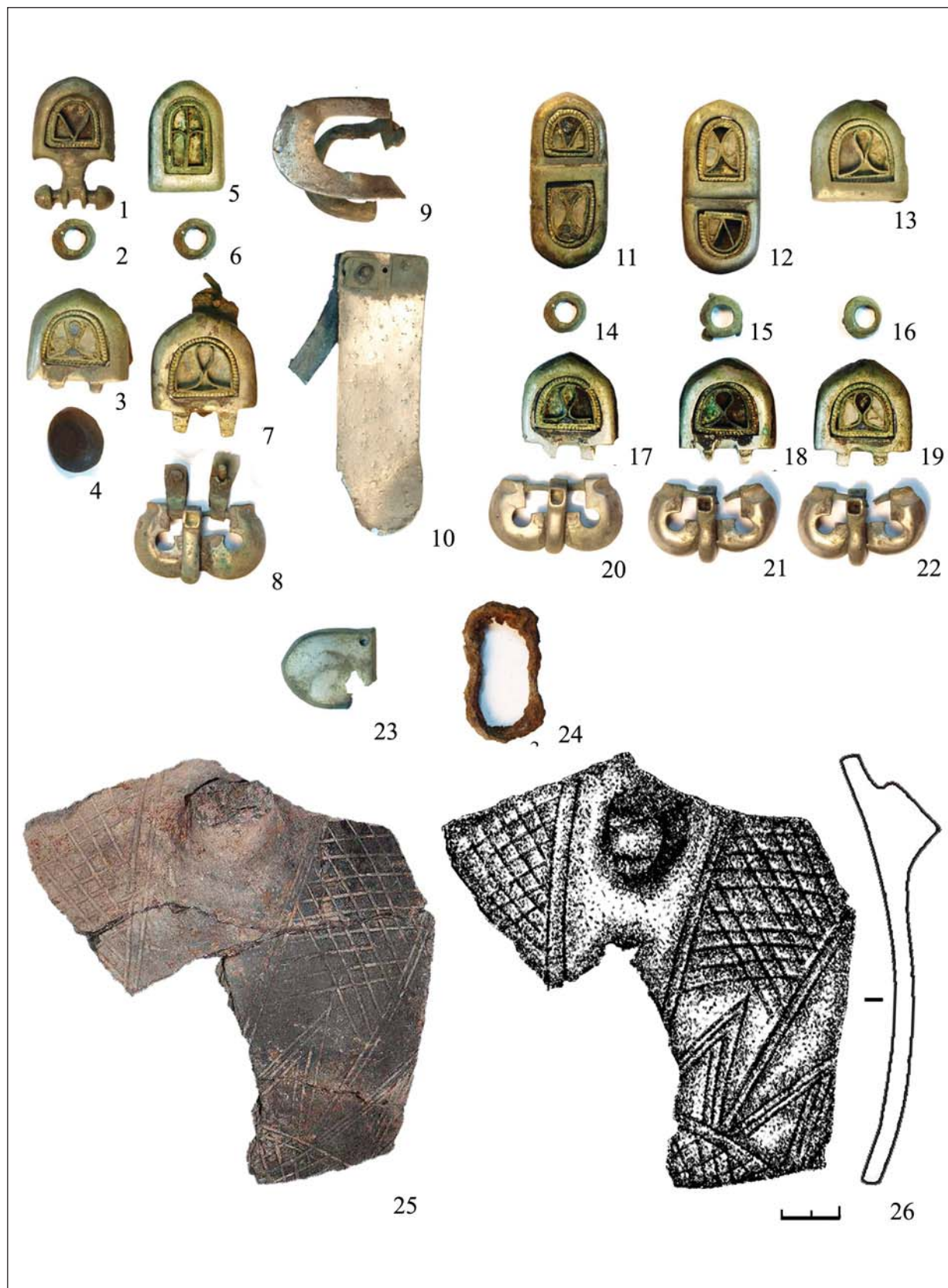

Рис. 40. 1–24: Могильник Ингала; 25–26: Городище Уфа II/КЗ.А5 горизонт 4
(по МАЖИТОВУ ET AL. 2009, рис. 105. 3)

40. kép. 1–24: Ingala temető; 25–26: Ufa II/KZ.A5 4. horizont (MAZSITOV ET AL. 2009, 105. kép 3)

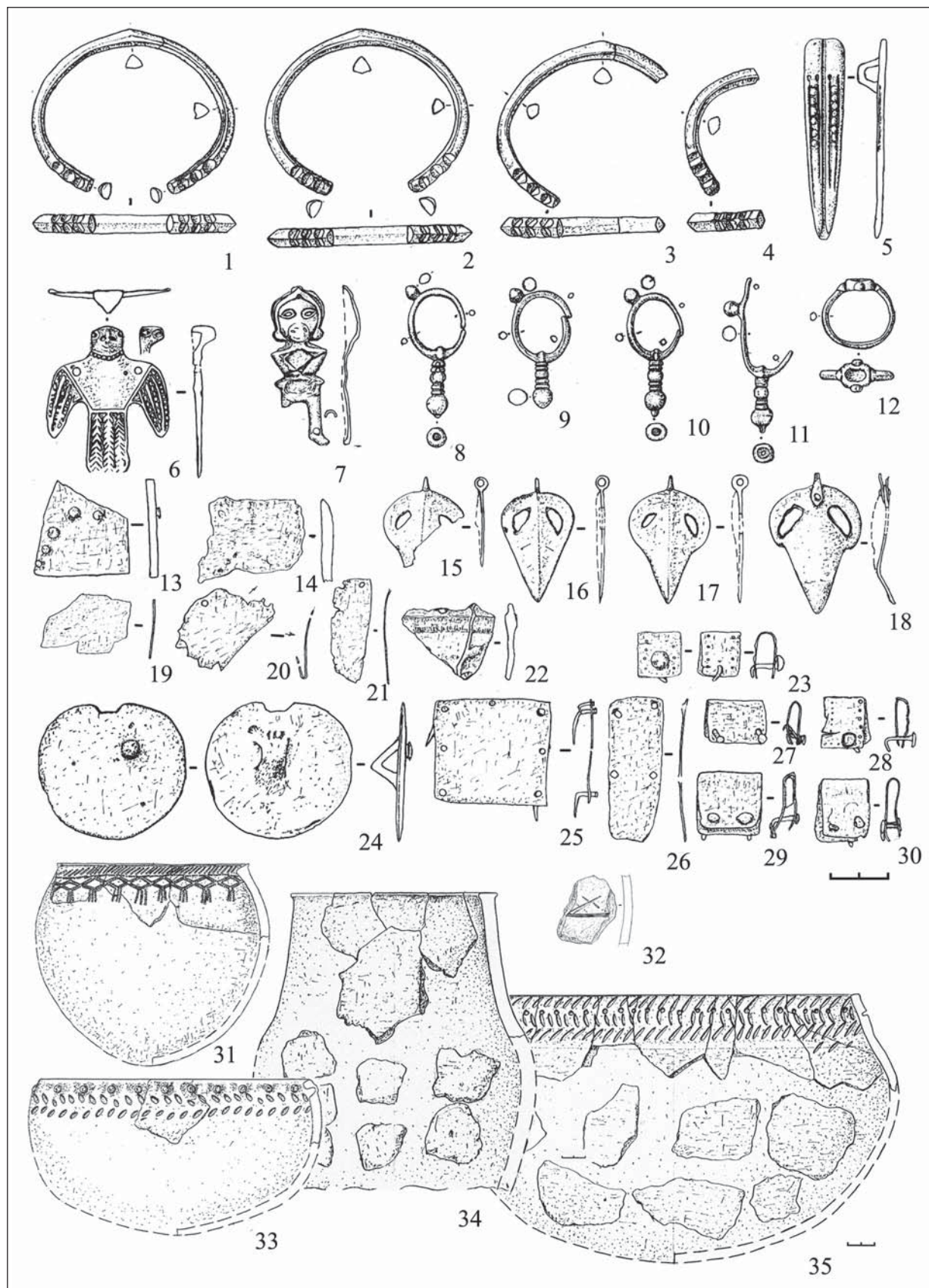

Рис. 41. Могильник Ингала
41. kép. Ingala temető